

Галина Дмитриевна
Вильченко

Битва экстрасенсов

Алька и её друзья

Галина Вильченко

**Битва экстрасенсов.
Алька и её друзья**

«Издательские решения»

Вильченко Г. Д.

Битва экстрасенсов. Алька и её друзья / Г. Д. Вильченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505330-5

Маленького Димку не забрали из детского сада, и Аля взяла мальчика к себе. Оказалось, что на мать напали, и она в тяжёлом состоянии в больнице, а отец не вернулся из командировки. А потом и сам Димка пропал. И Аля отправляется на его поиски. Она не только находит мальчика, но узнает тайну своего отца.

ISBN 978-5-00-505330-5

© Вильченко Г. Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Битва экстрасенсов Алька и её друзья

Галина Дмитриевна Вильченко

© Галина Дмитриевна Вильченко, 2019

ISBN 978-5-0050-5330-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Вот и закончилась долгая и нудная зима. И хотя она в этот году выдалась на редкость теплой, но вымотала Альку слякотью, непредсказуемостью и долготой. Осенью похолодало рано, ещё не все листья опали с деревьев, а с неба уже посыпался мокрый противный снег. Думали, что зима будет холодной, но осенняя слякоть протянулась до Нового года, затем недели две продержался легкий морозец, который без боя сдался слякоти уже в середине января. Кажется, что при такой зиме весна должна быть ранней. Так нет же! Подходит к концу апрель, а ещё не везде сошёл снег.

Аля работала в детском саду воспитателем, училась заочно в педагогическом институте и воспитывала сына. А ещё она ждала Кирилла. Он так и не успел стать её мужем, хотя и развелся с женой. Алькино счастье длилось ровно пять недель, Кирилл был рядом, они даже съездили на море. Но она чувствовала разлуку. Однажды рано утром раздался телефонный звонок, от звука которого у Альки ёкнуло сердце. Кирилл снял трубку.

– Хорошо, когда машина подойдёт? – спросил он.

Аля не слышала, что ему ответили, но почувствовала, что разлука не просто близка, она уже стоит на пороге.

– Мне пора, – тихо сказал Кирилл, подходя к ней.

– Это надолго? – спросила она, уже зная ответ.

– Да, Аленький, надолго. Помни, я тебя люблю, береги себя и сына.

Он подошел к шкафу и вытащил свой походный рюкзак, Алька даже не заметила, когда он его собрал, зашёл в детскую, погладил по голове Василька, крепко обнял и поцеловал Алю и вышел из дома. У калитки его уже ждала машина, Кирилл сел и уехал. Даже ни разу не оглянулся.

Тревога появилась в начале декабря. Однажды Аля проснулась от непонятного волнения и не смогла больше уснуть, утром встала с головной болью и тревожным сердцебиением. День прошёл как в тумане, Аля плохо понимала, что делает и совсем не понимала, что ей надо делать. Она рано легла спать, быстро уснула, и приснился ей сон: стоит она на берегу большой реки, на противоположном берегу на утесе стоит Кирилл. Расстояние между ними большое, но она хорошо видит его зелёные глаза, которые виновато смотрят на неё. Она протянула к нему руки, но Кирилл остался стоять на одном месте и не сделал попытку соединиться с ней. Он ещё раз виновато посмотрел на неё, развернулся и медленно стал удаляться, даже ни разу не оглянулся. Проснулась Аля с таким чувством, что теряет Кирилла. Несмотря на ранний час, она кое-как оделась и бросилась на остановку автобуса, но общественный транспорт ещё не ходил, вызвать такси она не догадалась, поэтому быстро пошла в сторону центра города пешком. Через сорок минут Аля стояла в доме генерала Иволгина перед молодым человеком, который охранял покой сотрудников конторы, которую возглавлял Василий Иванович. Молодой человек не желал пропускать её к генералу, ему не нравился внешний вид женщины: вязаная шапка сбилась на бок, из-под неё торчали растрёпанные волосы, пальто застёгнуто не на все пуговицы, лицо бледное, в глазах нездоровый блеск, под глазами синяки.

– Мне надо срочно поговорить с генералом! – твердила Алька.

– Приходите утром в управление, там и поговорите, – стоял на своем молодой человек.

– Позвоните ему, скажите, что я пришла! – требовала Аля, про себя окрестив молодого человека Ослом.

Сколько бы они препирались – неизвестно, но неожиданно заработал лифт, дверцы его распахнулись, и в вестибюль выпорхнула девушка. Аля не стала больше уделять внимание молодому человеку, а в два прыжка достигла лифта, и прежде чем парень опомнился, нажала на кнопку второго этажа. Алька нажала на кнопку звонка и долго ждала, когда генерал соизво-

лит открыть дверь. Она знала, что Иволгин сейчас связывается с постом и пытается выяснить, кто это посмел нарушить его утренний сон. Открывать дверь генерал не спешил, зато рядом с Алей непонятно откуда оказался старый её знакомый Илья Бархатов.

– Аля? Ты что здесь делаешь? – удивлённо спросил он.

– Илья, мне срочно надо поговорить с генералом! А он не открывает! – она уткнулась ему в грудь и разрыдалась.

Илья вытащил рацию и коротко доложил:

– Это Алька, она плачет.

Дверь сразу же открылась, и теперь уже Алька рыдала в рубашку генерала.

– Да что случилось? Аля, успокойся! Что-то с Васильком? Да говори же ты! – волновался Иволгин.

– Дядя Вася, что с Кириллом? – сквозь слёзы спросила Аля.

– Он на задании, – недовольно ответил Иволгин.

– Он уехал в августе, а уже декабрь! И от него нет никаких вестей!

– Аля, что это на тебя нашло вдруг? Раз он не дает о себе знать, значит, не может. Успокойся и объясни, что произошло? Чем вызвана эта истерика?

– Мне сон плохой приснился, – тихо и виновато ответила Аля.

– Аля, если с ним что-нибудь случится, мы будем знать, у него всё нормально. Нельзя же из-за плохого сна устраивать истерики.

– Дядя Вася, ты же знаешь, что мои сны часто вещими бывают. С ним случилась беда, вы от меня скрываете!

– Хватит истерики! Поезжай домой и выкинь дурь из головы, – рассердился Иволгин. – Илья, отвези её, эта дурочка, небось, сына одного дома бросила.

День прошёл как обычно: работа, дом, стирка, готовка, уборка. А ночью ей снова приснился Кирилл, и опять он смотрел виноватыми глазами и не захотел с ней встретиться, а ушёл в неизвестном направлении. Хотя, почему в неизвестном? Он ушёл от неё. Алька проснулась в холодном поту от своей догадки: Кирилл полюбил другую женщину. А это значит, что она так останется одна с сыном. Кирилл снился ей почти месяц, она боялась ложиться спать, потому что каждую ночь ждала, что он заговорит и скажет то, что уже говорил не раз: «Тебя для меня больше не существует!» Потом развернётся и уйдёт, а его место займёт темнота и пустота. Но однажды, перед Новым Годом, Алька уснула и проспала ночь без всяких сновидений. Со временем тревога прошла, снится Кирилл перестал, и Аля успокоилась.

За заботами время пролетело быстро и незаметно, наступила весна, но долгожданного тепла всё не было и не было. Вот и май скоро, а в овраге рядом с её домом ещё лежит снег. Хорошо хоть в саду снег растаял, ещё неделька такой погоды, как сегодня, и можно будет заняться садово-огородными работами. А пока можно будет просто посидеть в саду на скамейке и насладиться хорошей весенней погодой.

Однако вместо наслаждения и покоя, появилась тоска и грусть. Аля закрыла глаза и подставила лицо весеннему солнцу. Стук калитки вывел её из задумчивости. Аля скосила глаза и увидела Алёну Борисовну Кунину, подругу мамы, которая помогала и опекала молодую женщину. Сказать по правде, эта опека последнее время не нравилась Альке и тяготила её, уж слишком часто Алёна забирала Васильку, даже тогда, когда Алька была свободна и мечтала провести время с сыном. И Алёна относилась к ней как к неразумной девчонке, которая не в состоянии сама позаботиться о собственном сыне. Аля нехотя встала со скамейки и пошла навстречу Алёне Борисовне.

– Здравствуй, тётя Алёна, – поздоровалась Аля.

– Здравствуй, Аля. Что, наслаждаешься первым теплом? – улыбнулась Кунина.

– Да, так надоела слякоть, туман и промозглость. Вроде и не холодно, но на улицу выходить не хочется. Пойдём в дом, сейчас чайку сообразим, – Аля пошла в дом. Алёна Борисовна последовала за ней.

– Руслан приехал, – сообщила Алёна Борисовна.

– Хорошо, – вздохнула Аля, – а от моего Кирилла нет никаких известий.

Руслан Русаков появился на горизонте безоблачной, но одинокой жизни Алёны Борисовны несколько лет назад, когда её непутёвая, как она считала, Аляка только готовилась стать матерью. Мать Кирилла, Анна Власовна, не желала видеть рядом со своим сыном обыкновенную продавщицу, поэтому наговорила сыну, что у Аляки ребёнок не его, что и подтвердила лечащий врач девушки. В благодарность за то, что она открыла ему глаза на вероломство его несостоявшейся невесты, Кирилл, не откладывая в долгий ящик, женился на Валентине, так звали этого врача, и сразу же пожалел об этом. На свадьбе Валентины и Кирилла и познакомились Алёна и Руслан.

– Никогда не думала, что ждать так трудно и томительно. Я его и раньше всё время ждала, но там было другое – я ждала, что он вспомнит обо мне и поймёт, что я его судьба. Его командировки я воспринимала как передышку своих ожиданий, он далеко, не рядом с Валентиной и меня это устраивало. Я волновалась только, чтобы его там не убили, но внутри себя была уверена, что его не убьют. А сейчас я боюсь всего, боюсь, что его убьют, боюсь, что он меня разлюбит, боюсь, потому что если с нами что-то случится, он не придёт на помощь, потому что находится неизвестно где и, мне кажется, что далеко-далеко от меня. Понимаешь, как-то так случалось, что как только я попадала в беду, он оказывался рядом. Я тоже хочу быть рядом с ним, когда ему плохо. А он держит меня на расстоянии от своих проблем, – обиженно рассуждала Аля.

– Судьба у нас, Аленька, такая, беспокоиться и ждать, – погладила её по голове Алёна Борисовна. – А ты, судя по всему, ещё и ревнуешь его. Слушай, а если он загуляет, что будешь делать?

– Честно?

– Конечно.

– Я его прощу, если он ко мне вернётся...

– А если не вернётся?

– Не знаю, но любить его не перестану. И ревновать буду. Только внутри себя, вслух ему я ничего высказать не могу, потому что как только он посмотрит на меня своими зелёными глазами, я теряюсь, и у меня пропадает дар речи. А если глаза у него злые, то мне совсем хочется распастись на маленькие атомы и стать невидимой.

– Никуда твой Кирилл от тебя не денется, так что успокойся. Если любишь его, то должна верить ему.

– Я верю! – заверила Алёну Аля.

– Я отпуск взяла, послезавтра мы с Русланом уезжаем в Черноморск, Васю заберём с собой.

– У меня сейчас время свободное, затишье перед штормом, так сказать, – улыбнулась Аля. – Через полтора месяца госэкзамены, вот тогда времени не будет совсем. А сейчас не надо увозить Василька, а то мне без него совсем одиноко будет. Я и так мало с ним общаюсь из-за учёбы.

– Вот и подготовишься хорошенько к экзаменам, – парировала Алёна.

– Но Василёк мне не мешает! – воскликнула Аля.

– Я что-то не пойму, ты не хочешь отпускать Василька с нами? – дошло, наконец, до Алёны Борисовны.

– Не хочу, – призналась Аля. – Теть Алён, он и так с тобой проводит времени больше, чем со мной. Так он скоро тебя будет мамой звать, а не меня. Сразу после экзаменов у меня отпуск, вот тогда мы с Васильком и поедem на море, а сейчас там ещё всё равно купаться рано.

– Но я ему уже сказала, что мы завтра уезжаем.

– Почему ты сказала ему, не посоветовавшись со мной? Ты ещё не забыла, что он мой сын?

– Нет, Аля, не забыла. Но у меня даже в мыслях не было, что ты можешь быть против поездки мальчика на море. Ладно, нельзя так нельзя. Но скажешь ему об этом сама, – Алёна недовольно посмотрела на Алю, встала, и, не сказав больше ни слова, ушла.

Аля посмотрела на часы – пора идти за сыном в садик. Она накинула на плечи плащ и вышла на крыльцо. Солнце подбиралось к верхушкам деревьев, собираясь спрятаться за ними на ночь, с собой оно забирало тепло, и Аля передёрнула плечами, поняв, что выходить на улицу в лёгком плаще ещё рано, но возвращаться и переодеваться не стала. До садика недалеко, всего минут десять ходьбы, она закрыла дверь, сбежала с крыльца и быстрым шагом направилась в сторону детского сада. Василёк уже ждал её, он бегал по площадке кругами и не забывал поглядывать на ворота. Увидев маму, мальчик подбежал к воспитательнице Алле Аркадьевне, и радостно сообщил, что за ним пришли. Алла Аркадьевна встала и пошла навстречу Але.

– Здравствуйте, Алевтина Липатовна, – поздоровалась Алла, в ироничной улыбке растягивая губы. Они были подругами и обращались друг к другу по имени отчеству только в присутствии детских ушей. Как-то так получилось, что ни одну, ни другую дети не называли правильно. Аллу почему-то звали Крокодиловна, а Альку – Лопатовна. Остальные работники детского сада посмеивались над ними.

– Привет! Как сегодня себя вел мой разбойник? – улыбаясь, спросила Аля.

– Я не разбойник! – возмутился Василек. – Я русский богатырь!

– Конечно богатырь, только пока маленький и непослушный, поэтому больше похожий на маленького разбойника, – улыбнулась Аля. – Беги за вещами, богатырь!

Василёк убежал.

– Алёна что, увозит его на юг? – спросила Алла.

– Нет, – коротко ответила Аля.

– Да? А Василёк сегодня целый день твердил, что в пятницу уезжает, он что, сам придумал?

– Да нет, это Алёна хотела его с собой забрать, а я не дала.

– Почему?

– Не хочу.

– Понятно.

Из дверей выбежал радостный Василёк.

– Ладно, Алла, мы пошли. До завтра!

– Пока! – Алла Аркадьевна вернулась к детям.

Василёк весело прыгал на одной ноге, Аля шла сзади него и молчала. Она думала, как сказать сыну, что он в пятницу никуда не поедет. Разговор начал сам мальчик.

– Мама, а ты мои вещи уже собрала? А водный пистолет и надувной круг положить не забыла? – спросил он, подпрыгнув к ней на одной ноге.

– Василёк, твои вещи я не собрала, – ответила Аля, отводя свои глаза от лица сына.

– Почему? – потребовал ответ мальчик.

– Потому что ты никуда не поедешь, – ответила Аля.

– Почему?

– Потому что я хочу, чтобы ты остался дома. И давай прекратим с тобой этот разговор, на юг мы поедem в июле, когда у меня будет отпуск.

– Но я хочу ехать с Русланом и Алёной! – со слезами на глазах воскликнул Василёк.

Аля промолчала, Василёк тоже замолчал и тихо поплелся за ней, глотая слёзы. В дом он не пошёл, а сел на скамейку и съёжился. Альке было жалко сына, но она решила настоять на своём, всё-таки он должен понять, что она его мама и ей решать с кем и куда он может поехать. Аля зашла в дом и принялась за приготовление ужина. Она пожарила котлеты, сварила макароны, и, открыв окно, выглянула в сад, чтобы позвать сына. На скамейке его не было.

– Василёк! Иди ужинать! – крикнула она, подумав, что мальчик играет где-то в саду, не в зоне её видимости. Однако, на зов мальчик не откликнулся. – Обиделся, – вздохнула Аля, сняла фартук и пошла в сад за сыном. В саду его не было. Аля заволновалась, она громко звала сына, но он не откликался. Алька выбежала за калитку и стала спрашивать у соседей, видел ли кто мальчика, но его никто не видел. Искала она сына до половины десятого, потом подошла к телефону и позвонила своей ближайшей подруге Наташке. Наташа была дома, она позвонила на работу мужу, потом о пропаже ребёнка сообщила подругам – Асе и Ларисе.

Узнав о пропаже мальчика, Виктор, нарушая все субординации, влетел в кабинет Иволгина. Василий Иванович был не один, напротив него сидел Руслан, и мужчины пили коньяк за встречу.

– Тебе чего? – недовольно и удивлённо спросил Иволгин.

– Васька пропал! – переводя дух, сообщил Виктор.

– Какой Васька? – не понял генерал.

– Алькин сын.

– Что?! – одновременно воскликнули в один голос Василий Иванович и Руслан.

– Мне сейчас Наташка позвонила, а ей Алька, она в панике и не знает, что делать.

Руслан позвонил Алёне, вдруг она забрала парня? Генерал никак не мог дозвониться до Альки, у той всё время был занят телефон. Наконец, махнув рукой, генерал быстро двинулся к выходу, Руслан и Виктор последовали за ним. На генеральском столе остался стоять недопитый коньяк.

Когда генерал с сотоварищами прибыли на улицу Лесную, там уже командовал майор Гришаков, Стас опрашивал соседей, Сергей Ермаков сидел на телефоне и вызывал проводника с собакой. Алька в невменяемом состоянии бегала из угла в угол и причитала что-то никому не понятное, даже ей самой. Руслан перехватил её и силой усадил на диван.

– Успокойся! – приказал он.

– Не могу! Руслан, он никогда один из сада не уходил. Я уже обежала всю округу, его нигде нет. Что мне делать?

– Выпить валерьянки и успокоиться, – Алёна Борисовна протянула ей стакан с лекарством.

– Не хочу, – отодвинула её руку Аля.

– Пей, я сказала! – рассердилась Кунина. – Сколько можно голосить?! Или ты думаешь, что он услышит твой вой и прибежит? Надо лучше за ребёнком смотреть, а не истерики закатывать!

Алька ещё раз оттолкнула её руку и выбежала из комнаты.

– Зачем ты так? – неодобрительно спросил Руслан. – Она и так переживает, зачем подливаешь масла в огонь?

– Истеричка, – пробурчала Кунина и подошла к окну.

Наконец прибыл проводник с собакой. Мальчик нашёлся в сарае, он спал за детской кроваткой, которую в сарай вынесла Аля из-за ненадобности. Василёк проснулся, увидел Алёну и обхватил её за шею.

– Я хочу с тобой к дяде Коле, – сообщил он.

– Конечно, Васенька, мы поедем к дяде Коле, – пообещала ему Алёна Борисовна.

Аля бросилась к сыну, но Вася только крепче прижался к Куниной и отвернулся от матери. Его поступок отозвался ноющей болью в Алькином сердце. Алёна на руках вынесла

мальчика из сарая и, не заходя в дом, села в машину Руслана, и они уехали. Постепенно уехали и остальные. Прежде чем сесть в машину, Иволгин подошёл к Але:

– Надо следить за ребёнком, а не в облаках витать, а потом слёзы лить. Не ожидал я от тебя такого, – жестко сказал он.

– Да что я такого сделала? – спросила Аля и посмотрела в глаза генералу.

– Тебе лучше знать, но твой сын почему-то не хочет с тобой оставаться, а тянется к Алёне. К чему бы это? Подумай, может, ты мало уделяешь ему внимания?

Алька вспыхнула, но ответа от неё генерал ждать не стал. Он сел в машину и уехал. Аля осталась одна. Она зашла в спальню, легла на кровать, уткнулась лицом в подушку и горько заплакала. От обиды, несправедливости и бессилия. Выплавав все слёзы из своих карих глаз, Алька уснула. Спала крепко без всяких сновидений, и звонка телефона не слышала. Звонила ей Лариса, которая хотела её пожалеть и успокоить.

В пятницу Руслан и Алёна уехали в Черноморск, увозя с собой Василька. Алёна была так недовольна Алькой, что даже не стала заходить к ней за вещами мальчика, а обошлась тем, что было у неё дома, недостающие вещи купила в «Детском мире».

Майские праздники Аля провела в одиночестве. Она ничего не делала по дому, не занималась огородно-садовыми работами, не смотрела телевизор, а просто лежала в кровати и смотрела в потолок. Её ничто не радовало: ни тёплая солнечная погода, ни зацветающие в саду нарциссы, ни праздничное оживление на улицах города, ни уйма свободного времени, о котором она часто мечтала и которого ей почти всегда не хватало. Она никого не поздравляла с праздником, никто не поздравлял её. Нет, друзья и подруги пытались до неё дозвониться, но не могли. Алькин телефон покоился под подушкой. После праздников не вышла на работу Нина Петровна – взяла больничный лист. Аля весь день проводила на работе и забывала о своих переживаниях, к тому же она зарабатывала себе отгулы, которые, возможно, когда-нибудь сможет отгулять. Однако вечерами грусть возвращалась к ней. И снова стал сниться Кирилл. Но теперь любимый мужчина не уходил от неё, а стремился к ней, и она стремилась к нему, но какая-то сила не давала им встретиться. И эта сила ассоциировалась у Али с генералом Иволгиным.

Одиночество стало тяготить Алю, и она набрала номер телефона Наташи, чтобы поплакаться ей в жилетку.

– Привет, Наташ! Как дела? – стараясь как можно беззаботнее, спросила Аля, однако у неё получился обратный эффект. Голос был такой, как будто дела у подруги шли из рук вон плохо и с каждой минутой становились все хуже и хуже.

– У тебя опять что-то случилось? – в свою очередь спросила Наташа, и Але показалось, что она недовольна её звонком.

– Почему сразу случилось? Просто звоню узнать, как у тебя дела...

– Аля, ты на часы смотришь? Стрелки к двенадцати подходят, я уже засыпала. Неужели нельзя узнать о моих делах днём? Это ты у нас сейчас девушка свободная – ни детей рядом, ни мужа. Да и на работу тебе завтра к двум часам дня, выписься. А мне вставать в семь надо, чтобы успеть Аньку в садик отвезти и к восьми быть на работе, чтобы начальство не ругалась. А Витька мой опять уехал в командировку, и помочь мне некому. Так что дела у меня идут хорошо, а если меня не будут будить по ночам, чтобы узнать, как у меня идут дела, то будут ещё лучше.

– Ладно, Наташ, успокойся, нечего мне лекции читать. Не буду я больше тебе звонить, можешь спокойно ложиться спать, – сказала Аля, еле сдерживая слёзы, и положила трубку.

Наташка права – уже действительно поздно и большинство честных граждан видят не первый сон, но Аля знала, что раньше часа ночи подруга спать не ложилась. Не потому, что у неё было много работы и не хватало дня, у Наташи был такой ритм жизни – поздно ложиться и рано вставать. Ритм самой Альки зависел от солнца, то есть летом ложилась поздно и вставала рано, а вот зимой возникали трудности. Ложиться рано и вставать поздно ей не позволяли

дела, поэтому она, так же как и летом, ложилась поздно, а вставала рано. Но просыпалась против своей воли и с большими трудностями. Ей казалось, что если бы не Василёк и работа, то осенью она впадала бы в спячку как сурок, и просыпалась бы только поздней весной.

Слёзы текли по Алькиному лицу крупными каплями, и она, как в юности, вытирала их ладошкой. Наплакавшись вдоволь, Аля вытащила из ящика письменного стола фотографию Кирилла и долго-долго смотрела на неё.

– Кирилл, где ты сейчас? Если бы ты знал, как одиноко и плохо без тебя. Я создаю окружающим меня людям только одни проблемы, даже Василёк предпочитает Алёну, которая, в общем-то, ему чужая тётка. Раньше я думала, что Василёк тянется к ней потому, что у Алёны конфеты шоколадные, а я даже не всегда могла позволить карамель, она балует его, а я стараюсь быть с ним строгой. Но сейчас и сладости покупаю ему, да и ругаю его мало. Он хороший мальчик и ругать его не за что. А он все равно предпочитает не меня – родную мать, а Алёну. Может я и в самом деле плохая мать? Но как стать хорошей? Что для этого надо делать? Кирилл, миленький мой, я стараюсь, но почему у меня ничего не получается? Приезжай скорее, мне так плохо без тебя!

Аля погладила фотографию любимого и положила под подушку, залезла под одеяло и закрыла глаза. Кирилл приснился сразу. Сумерки. Он шёл по лесной дороге, быстро и уверенно. Рядом с ним шагал парень, Аляка была уверена, что знает его, но вспомнить не могла. Мужчины переговаривались. Вот они вышли из леса, вдали показались огни какого-то населенного пункта, которые быстро приближались. Но что это? В высокой траве притаились тени. Аля почувствовала опасность и попыталась закричать: «Кирилл стой! Туда нельзя, там засада!» Но голос пропал и только её душа устремилась туда, чтобы заслонить собой любимого от смертельной опасности. Кирилл остановился и придержал товарища за руку. Он прошептал её имя и удивлённо посмотрел по сторонам, а потом он с товарищем шагнул в кусты и растворился в сумерках. Аля облегчённо вздохнула и перевернувшись на другой бок спокойно, уже без всяких сновидений, проспала до утра.

Глава 2

Аля проснулась за несколько минут до звонка будильника. Она встала, приняла душ, выпила чашечку кофе и пошла на работу. День проходил как обычно: завтрак, занятие, прогулка, обед, тихий час, полдник, прогулка, ужин. Детей разобрали быстро, и к шести часам остался только один Дима Кудрин. Аля удивилась, обычно его забирали одним из первых. Димин папа работал водителем – дальнобойщиком, мама – медсестрой в поликлинике. Была ещё бабушка, но её Аля знала плохо, видела несколько раз, когда та приходила забирать мальчика из садика. Бабка одевалась во всё чёрное, смотрела вокруг маленькими подозрительными глазками и походила на злую колдунью. Димка сказал Але по секрету, что баба Маня верит в бога и часто крестится. Однако, это её взволновало, ведь её баба Тоня верила в бога, молилась на свою икону, но это не мешало ей любить внучку. Гораздо больше заволновалась Аля, когда Димка, при виде бабы Мани, стал убегать и прятаться. Она поговорила с родителями, мать Димки отводила глаза и оправдывалась, говоря, что у неё вечерняя смена и кроме бабки забрать сына из детского сада некому. Отец сердито смотрел на жену и требовал от неё оставить работу и заняться ребёнком. Однажды Димку не привели в сад, а родители не позвонили и не сообщили причину, как это обычно делали раньше. Но в пятницу за сыном в сад пришёл вернувшийся из командировки Димкин папа. Узнав, что сын уже неделю не посещает садик, он заволновался, заругался и, ничего не объясняя, ушёл. В понедельник Димка пришёл в садик, но несколько дней был непривычно тихий и неразговорчивый. А потом радостно сообщил, что они с мамой и папой решили собирать деньги на Алёнку, мама теперь будет работать только утром, а когда они купят Алёнку, совсем перестанет работать. Бабка больше не приходила за ним в сад, и вскоре голос Димки снова зазвенел во всех уголках детского сада.

Когда детей разобрали, и Димка остался один, ему стало скучно и он подошёл к Але.

– Алевтина Лопатовна, а почему за мной мама не пришла? – спросил мальчик.

Аля улыбнулась. Дима упорно не желал называть её Алевтиной Липатовной, а звал Алевтиной Лопатовной. Видно, слово «лопата» было ему ближе и понятней, чем непонятное имя «Липат».

– Дима, ты уже большой мальчик и должен правильно называть моё отчество – не Лопатовна, а Липатовна. Понятно?

– Понятно. Не понятно только, почему мама не пришла, – ответил рассудительный мальчишка.

– Наверное, задержалась на работе...

– Не, мама теперь только утром работает, на полставки, а когда купим сестрёнку, совсем не будет работать, пока она не подрастет, я тоже не буду больше в садик ходить, буду ходить в школу, а после школы маме помогать.

– А бабушка будет вам помогать? – поинтересовалась Аля.

– Нет, она с нами больше жить не будет. Баба Маня хочет, чтобы мы с мамой бросили папу и уехали жить в какую-то деревню, где живут одни верующие в бога люди. Там нет ни света, ни воды в кране, они в речке моются и зимой, и летом. Однажды, когда папа был в командировке, а мама заболела, баба Маня нас туда отвезла. Баба Маня меня даже ударила, потому что я ехать не хотел, я бы всё равно не поехал, но не хотел маму одну оставлять, она ведь болела. Мы там целую неделю жили как в тюрьме, потому что меня бабка не выпускала на улицу, а маму она заставляла какую-то горькую микстуру пить. Я попробовал и мне плохо стало. А потом приехал папа и забрал нас, а бабе Мане сказал больше на глаза ему не показываться.

– Понятно. А сегодня, видно, твой папа в поездке?

– А вы откуда знаете? – любопытствовал Димка.

– Раз он за тобой не пришёл, значит – его нет дома. А раз и мама не пришла, то и она занята, возможно, кто-то на её работе заболел, и она работает вместо него. Так, Димочка, часто бывает.

– Ага, я понял! Нина Петровна заболела, и вы за неё сегодня работали. Вы, Алевтина Лопатовна, ой, Липатовна, очень умные! – сделал заключение Димка.

– Почему? – со смехом спросила Аля.

– Вы быстро догадались, почему папа за мной не пришёл. Вообще-то, он должен был сегодня приехать, но в дороге ведь всякое может случиться, поэтому он иногда задерживается.

Аля посмотрела на часы и заволновалась. Шел восьмой час вечера, а за мальчиком никто не приходил. Даже если бы Веру Николаевну и вызвали срочно на работу, она бы позвонила и предупредила, что заберёт сына поздно. Но никаких звонков относительно Димы не было. Аля почувствовала, что в семье Кудриных случилось горе, но показывать мальчику свою тревогу не хотела.

– Вот что, Дима, пойдем ко мне домой, а в садике оставим записку, где тебя искать. Хорошо?

– Хорошо, – вздохнул мальчик, и Аля заметила на его глазах слёзы, которые он старался незаметно вытереть. Дима считал себя мужчиной, а настоящий мужчина не должен показывать свою слабость женщине, даже если эта женщина взрослая и его воспитательница.

Дома, накормив Димку и уложив спать, Аля засела за телефон. Первым делом она позвонила в больницу и выяснила, что Кудрина Вера Николаевна поступила сегодня в шестнадцать часов с черепно-мозговой травмой. Женщина находится без сознания и будет ли жить, пока неизвестно.

Далее Аля позвонила на работу к Диминому отцу и узнала, что Кудрин Павел Матвеевич пропал в неизвестном направлении. К месту назначения он не приехал, по пути следования аварий не было, местонахождение в настоящее время ни его, ни его машины неизвестно. На том конце провода, выдав Альке эту информацию, запоздало заинтересовались, кто она такая и почему интересуется Кудриным.

– Я воспитатель детского сада, сегодня его сына не забрали из садика, поэтому я ищу родных мальчика, – пояснила Аля свой интерес.

– А жена?

– Жена в больнице, – ответила Аля и положила трубку. – Вот это расклад! И что же теперь делать? Не искать же ненормальную бабу Маню, чтобы отдать ей ребёнка? Да и кто ей его отдаст? Бабка она не родная, седьмая вода на киселе, да к тому же ещё и старая. Как надо поступать в подобных случаях? Так, надо позвонить кому-нибудь и узнать. Кому же звонить? Сколько там времени? Десять вечера, ещё не поздно, хотя кому как, Наташке, так уже поздно, ей же завтра вставать в семь часов. Как раз её Виктор и мог бы быть полезным, если он, конечно, вернулся из командировки, но им не буду звонить – пусть спят. Своими проблемами нагружать Наташку больше не буду, – бормотала Аля себе под нос. Она почувствовала, как обида на подругу с новой силой поднимается внутри неё. – И кому звонить? Может, Володе? А вдруг он тоже, как и Наташка, будет недоволен моим звонком и накричит на меня? Вот чёрт, я начинаю бояться всех своих друзей и подруг! Нет, Володя, когда искали Васильку, даже не посмотрел на меня, не подошёл. Он не захочет мне помочь, да и к другим обращаться не буду, у них ведь дети не пропадают, они за ними хорошо смотрят.

Аля выглянула в окно и увидела, что у соседки тёти Любы, которая была также заведующий детским садом, горит свет. Она как раз и должна знать, как надо поступить в подобном случае.

– Добрый вечер, Любовь Андреевна...

– Вечер добрый, Аля. Если ты пришла просить отгулы, то сейчас, пока болеет Нина Петровна, дать тебе я их не могу, – перебила Альку Любовь Андреевна и недовольно посмотрела на девушку.

– Тётъ Люб, а вы не думали, что я пришла к вам просто по-соседски? Совета житейского попросить, соль или спички? – поинтересовалась Аля.

– Не сердись, Аля, но у меня сейчас только одно на уме, кого кем заменить. Так что ты хотела?

– Вообще-то я к вам пришла по работе. Не хмурьтесь, заменять меня не надо, – грустно улыбнулась Аля, заметив, как свела брови соседка.

– Тогда что? Уж не хочешь ли ты одна работать на двух группах? – засмеялась Любовь Андреевна.

– Любовь Андреевна, в ситуации, сложившейся у меня, смешного мало, – заметила Аля и обрисовала ей ситуацию.

– Да, печальная история. Бабке ребёнка не отдадут. Скорее всего, его заберут в приемник-распределитель, а потом определяют в детский дом, если, разумеется, не найдутся родственники, которые заберут Диму к себе.

– Родственников у него нет, во всяком случае, я про них ни разу не слышала. Но ведь Вера Николаевна жива, она поправиться, нужно только время. Да и Павел Матвеевич найдётся. Зачем же его сразу в детский дом определять?!

– Поправиться мать, заберёт его.

– Но ведь он живой человек, зачем же его туда-сюда таскать? – возмутилась Аля.

– Аля, что ты хочешь? Никак тебя не пойму.

– Любовь Андреевна, пусть он у меня поживёт, пока не поправиться мать и не найдётся отец. Давайте не будем никуда ни о чём пока сообщать, посмотрим, как будут дальше развиваться события и уже потом примем решение.

– Ой, дорогуша, не нравится мне всё это! – недовольно посмотрела Любовь Андреевна на Алю. – Генерал хоть знает о твоём решении?

– Нет, конечно. Мой генерал считает, что я плохая мать и за детьми плохо смотрю. Да и причём здесь он? Что такого может случиться, если мальчик некоторое время поживёт у меня? Уж безопасность страны от этого не пострадает! А за это время я постараюсь найти его отца...

– Вот это мне и не нравится! – воскликнула Любовь Андреевна. – Каждый раз, когда ты пытаешься кого-нибудь найти, заканчивается одинаково – больничной койкой и отсутствием тебя на работе.

Было не понятно, что больше огорчает Любовь Андреевну – отсутствие Али на работе или то, что она оказывалась на больничной койке.

Димка проснулся и долго осматривался, не понимая, где он находится. Так и не поняв, он заплакал. Аля села к нему на кровать.

– Что случилось, Димочка? – ласково спросила она.

– Где моя мама? – спросил мальчик.

– Видишь ли, Дима, ты уже большой мальчик, поэтому обманывать тебя я не буду. Твоя мама заболела, и её положили в больницу. Когда она немного поправится, мы с тобой её навес-тим.

– А папа?

– Дим, о папе ты и сам знаешь, он уехал далеко и когда приедет, ни ты, ни я не знаем. А пока твоя мама болеет, а папа на своей большой машине что-то куда-то отвозит, ты поживёшь у меня. Договорились?

– Ладно, – согласился мальчик.

– Вот и хорошо, а теперь вставай, умывайся, одевайся, нас ждут в садике, – улынулась Аля и потрепала мальчика по голове.

По дороге в садик Димка молчал, да и днём его звонкий голосок не звучал, как обычно. Несколько раз Дима подходил к Але и спрашивал, поправилась ли его мама, и когда приедет папа. Аля честно отвечала, что сама ничего не знает. Дима скучнел на глазах. Алька не знала, как развеселить его и тоже выглядела встревоженной и задумчивой.

Прошла два дня. На третий день, отработав первую смену, так как на работу вышла Нина Петровна, Алька побежала в институт, ей надо было сдать зачёт по литературе каких-то там веков. В институте пробыла дольше, чем планировала, поэтому в садик за Димой прибежала только к шести часам. Но мальчика в саду уже не было.

– А где Димка? – удивлённо спросила она Нину Петровну.

– Его забрала бабушка. Алевтина Липатовна, зачем же вы к себе так мальчишку привязали, что он не хотел идти домой с родной бабушкой? Я его еле за калитку вытолкнула, он цеплялся за всё, что попадалось на пути, и кричал, что пока папа не приедет, будет жить с вами, – попеняла ей Нина Петровна.

– Вы отдали Димку старухе? Но почему? Как вы могли отдать ребёнка неизвестно кому? – Аля пришла в такое возбуждение, что даже не заметила, что говорит на повышенных тонах, что случалось с ней крайне редко.

– Алевтина Липатовна, будьте так добры, перестаньте кричать, вы находитесь в детском саду, а не на стадионе. Почему я не должна была отдавать бабушке внука?

– Нет у Димки родных дедушек и бабушек! – продолжала кричать Аля. – А эта бабка сектантка какая-то, мальчик с ней жить не хочет, она же хочет увезти его в свою секту!

– По-моему, вы начитались книг. Почему же раньше она могла забирать его и ни о какой секте речь не шла? И вы сами отдавали ей Кудрина.

– Неужели вы не понимаете, что тогда родители мальчика были живы и здоровы...

Ответить Нина Петровна не успела, в группу вошла Любовь Андреевна.

– Что за шум у вас? – недовольно спросила она. – Подняли на уши весь детский сад. Родители боятся на территорию войти, дети по углам забились. Что случилось? Алевтина Липатовна, почему ваш голос слышен на соседней улице?

– Потому что старуха забрала Димку!

– Как забрала? – удивилась Любовь Андреевна. – Вы же говорили, что она с ними больше не живёт.

– Вот так, пришла и забрала! Узнала откуда-то про их беды и появилась на горизонте. Что делать? – Аля чуть не плакала.

– Для начала – успокоиться, – спокойно сказала Князева. – Не надо раньше времени поднимать бузу. Мальчика давно забрали? – обратилась она к Нине Петровне.

– Да, уже часа полтора прошло, – ответила та.

– Значит, до дома они уже должны дойти. Алевтина Липатовна, пойдёмте в мой кабинет, позвоним Кудриным домой. Может, родственники узнали об их неприятностях и решили присмотреть за ребёнком?

– Нет у них родственников, – пробурчала Аля.

– А бабка? – спросила Нина Петровна.

– Что бабка? Что она не родная бабушка Димы – это точно. В каком она состоит родстве с Кудриными – не знаю, кажется, она приходится какой-то дальней родственницей Вере Николаевне, но последнее время с ними не жила. Я вам, Любовь Андреевна, уже рассказывала, что Павел выгнал её после того, как она умудрилась увезти Веру с сыном в свою секту.

– Да помню я! Ладно, пошли звонить, – Любовь Андреевна направилась к выходу, Аля последовала за ней. Нина Петровна осталась в группе, так как не всех детей ещё забрали родители.

К телефону подошёл мужчина, не ожидая услышать мужской голос, Любовь Андреевна даже растерялась.

– Извините, а можно пригласить Павла Матвеевича? – после секундного замешательства спросила она.

– Его нет, а кто его спрашивает?

– Заведующая детским садом Князева Любовь Андреевна. С кем я разговариваю?

– Я брат Павла.

– А имя отчество у вас есть?

– Олег эээ Иванович, – после некоторого замешательства ответил брат Павла.

– Сегодня мальчика забрала бабушка, Дима не хотел с ней идти. Они уже пришли домой? У вас всё в порядке?

– Да, пришли. Дима не будет больше посещать какое-то время детский сад, мы уезжаем с ним на юг.

– Тогда вам надо будет подойти в детский сад и написать заявление, и не забудьте захватить с собой паспорт, мы должны знать, кто забрал ребёнка в отсутствие родителей.

– Хорошо, завтра, как только смогу, я заеду к вам, – пообещал мужчина.

Аля нетерпеливо посматривала на Любовь Андреевну и едва та положила трубку, спросила:

– Что там?

– Приехал брат Павла, собирается увезти Димку на юг. Должен завтра прийти, написать заявление.

– Какой брат?

– Олег Иванович...

– Да не было у Павла братьев! – воскликнула Аля.

– А ты откуда знаешь?

– Павел сам говорил, что он остался один продолжатель рода Кудриных, поэтому детей у него должно быть много, чтобы их род не вымер через несколько поколений.

– Да? Тогда почему у них только один ребёнок? – ехидно спросила Любовь Андреевна.

– Так они же ещё молодые! И потом, Вера Николаевна беременна...

– Теперь уж навряд ли родит, даже если выживет. Знаешь, Аля, может и хорошо, что нашёлся этот брат? Кто знает, как всё сложится, а вдруг мать не выживет и отец не найдётся? Что тогда будет с мальчиком? А так всё же будет у родственников расти, не в детском доме.

– Что вы заладили – детский дом, детский дом! Как будто это не дом для детей, у которых нет родителей, а детская тюрьма. Любовь Андреевна, вы ещё не забыли, что я тоже из детского дома?

– Ты, Аля, попала в детский дом уже большой девочкой, а он ещё маленький мальчик. И потом, у тебя была баба Тоня, к которой ты приезжала на каникулы, Алёна Борисовна тебя навещала, Василий Иванович не забывал, ты не одна была. А Дима? Кто бы его навещал, если бы не нашлись родственники?

– Странно получается, когда в семье было всё хорошо, родни не было, а тут вдруг родня стала расти, как грибы после дождя в тёплый день. И кто искал этих родственников?

– Аль, какие грибы? Только один дядя и появился, да бабушка, о которой ты и раньше знала.

– Как вы говорите, зовут этого брата?

– Олег Иванович.

– Но ведь если бы он был его братом, то отчество должно быть Матвеевич, как у Паши! – воскликнула Аля.

– А может, он не родной брат? – в голосе Любови Андреевны появились ростки беспокойства.

– Или не брат! – сделала вывод Алевтина.

– Аль, сама подумай, кто будет брать чужого ребёнка? Кроме тебя, конечно, но ты – это отдельный разговор. Иди домой, Аля.

– Ладно, пойду, посмотрю завтра на этого новоявленного братца.

Однако увидеть его ни в четверг, ни в пятницу им не пришлось – в детский сад он не пришёл. Аля пыталась позвонить им, но трубку никто не брал.

Глава 3

В субботу Аля пошла к Кудриным домой. Жили они на улице Карла Маркса в старом двухэтажном доме, который стоял в глубине двора в окружении деревьев и кустов. Сам двор выглядел запущенным, тихим и зеленым. Деревья росли здесь в таком беспорядке, что городской двор был похож на небольшой лесок. На скамейке под кустом сирени сидели две старушки и зорко следили за всем происходящим вокруг. Как только Алевтина появилась во дворе, старушки замолчали и уставились на неё. Аля быстро прошмыгнула в подъезд, отметила чистые пол и стены, широкую лестницу и невысокие ступени. В современных домах, одним только проектировщикам и архитекторам известно – почему, но лестницы строят узкими, так, что два человека разойтись могут с трудом, да и то при условии стройности фигуры. Зато крутыми, пожилому человеку приходится штурмовать лестницу, как альпинисту горную вершину Эверест. Аля поднялась на второй этаж и позвонила в квартиру №6. Ей никто не ответил. В сердцах она ударила ладошкой по двери и дверь приоткрылась.

– Ничего себе, дома никого нет, а дверь открыта, – удивилась Аляка. – Они что, воров не боятся? Хотя чего их бояться, если ценных вещей в доме нет, – рассуждала про себя девушка и уже собралась войти в квартиру, но голос изнутри остановил её.

– Куда тебя несёт, чудо ты двадцатого века?! Сколько раз тебе говорили, что нельзя входить в первую попавшуюся открытую дверь? Особенно, если эта дверь должна быть на замке!

Аляка от удивления даже рот открыла. Обычно её внутренний голос только подгонял и не давал задуматься. Вот если бы этот голос сказал: «Чего ждешь? Заходи скорей и посмотри, что там!» – она бы не удивилась. А так?!

– Я не твой внутренний голос, я твой разум, – прозвучало у Альки в голове.

– Ещё не хватало, чтобы у меня в голове началась гражданская война между моим внутренним голосом и непонятно откуда появившемся разумом, – пробурчала Аля, но дверь прикрыла и стала спускаться по лестнице. – Ладно, не буду торопиться, для начала поговорю с бабушками, сидящими на скамейке. В таких старых дворах обычно все про всех знают, бабушки не исключение, – приняла решение Аляка. Она вышла из подъезда и подошла к старушкам. При ее приближении те перестали вести оживленную беседу и уставились на девушку.

– Здравствуйте, – поприветствовала старушек Аля.

– Здравствуй, дочка, – ответили те в один голос.

– А я тебя знаю – ты Аляка, внучка Антонины, – заявила вдруг одна из старушек, и обратилась к своей собеседнице, – Дусь, ты помнишь Антонину? Мы на стройке вместе работали, давно уже. Я на стройку пришла девчонкой, сразу после школы, а Антонина уже о пенсии подумывала. Все сокрушалась, что дочка её без присмотра выросла, а теперь ещё и внучка растёт как беспризорница. А я тебя ещё маленькой помню, и как маму твою хоронили – помню, тебе тогда лет тринадцать было, Антонина уже на стройке не работала. Ты мало с тех пор изменилась, так маленькой и осталась. Антонина, бывало, всё сокрушалась, что ты ешь плохо, поэтому и растёшь плохо. А в кого тебе большой-то быть? Бабка маленькая росточком, мать тоже, а хотят, чтобы дочка справная выросла. Нет уж, что природой заложено, то и вырастет, хоть закорми.

– Бабушка умерла шесть лет назад, – тихо сказала Аля.

– Что ж поделаешь, все там будем, – философски заметила одна из старушек. – Меня Анной звать, а это – Дуся.

Аля улыбнулась. Бабки представляли себя как девочки – по именам, без всяких добавок «баба» или «тетя», не говоря уже об отчестве.

– Так ты одна осталась? – поинтересовалась баба Дуся.

– Почему одна? У меня сын есть, – ответила Аля.

– А муж? – сразу же задала вопрос баба Анна.

– Муж тоже, но он почти все время в командировках, так что мы с сыном привыкли жить вдвоем.

Аля не стала говорить бабкам всю правду о себе. Зачем? Этих старушек она не помнила совсем, в детстве все они были для нее на одно лицо. Изливать свою душу перед всеми, кто знал её родственников, она не собиралась.

– А к нам чего забрела? – подозрительно спросила баба Дуся.

– Мне нужна ваша помощь, – улыбнулась Аля. – В этом доме в шестой квартире живёт семья Кудриных. Я знаю, что Вера в больнице, а Паша не вернулся из командировки. А вы не знаете, кто сейчас живёт в их квартире?

– Несколько дней никого не было, а потом вдруг мужик появился, видный такой, с бородкой, как у Ленина, только черной, в очках, волосы черные и густые, назад зачесаны. А два дня назад пришла женщина, вся в черном, мы думали Маня, это она вечно в черном ходила. Её мы видели только один раз, она прошмыгнула в квартиру и всё, оттуда больше не выходила, – торопливо рассказывала баба Дуся.

– А может и выходила, только мы её больше не видели, – поправила подругу баба Анна. – Слушай, а ты чего это ими интересуешься?

– Я Димкина воспитательница в детском саду, он в сад не ходит, а причину мы не знаем, на звонки никто не отвечает. Вот я и решила узнать, что с мальчиком. Скажите, а что вы знаете о Павле?

– Всё! – в один голос ответили старушки.

– Он же у нас на глазах вырос, а его бабка вместе с нами работала на стройках. Нам троим и квартиры в этом доме дали, на одном этаже. Мы жили как одна семья, помогали друг другу, праздники вместе встречали. Квартира у Кудриных хорошая, трехкомнатная. Семья-то раньше большая была: Наталья, бабка Пашкина, сын ее Матвей – батька Павла, жена его с детьми, да ещё мать жены с ними жила. Паша совсем маленький был, когда случилось несчастье – Матвей с женой погибли в автомобильной катастрофе, и осталась Наталья с малыши детьми на руках, – неспешно рассказывала баба Дуся.

– А куда же делась мать жены? – спросила Аля.

– Так она умерла ещё до аварии, больная была совсем, почти не вставала, в этом доме и пожила совсем немного, да прибрал бог мученицу к себе, – пояснила баба Анна.

– Скажите, вы говорите, что Наталья осталась одна с детьми, значит Паша не единственный ребенок? У него есть братья и сестры? Что стало с ними?

– Да, были. Пашка младший, а старшие близнецы – Вовка и Толька, старше его на пять лет, только трагичная у них судьба была. Парни выросли ладные – высокие, стройные, сильные. Армию отслужили, домой вернулись и стали думать, куда пойти работать. Учились в школе братья так себе, не то, чтобы плохо, но и за учебниками не засиживались. До армии окончили автотранспортный техникум, поэтому и подумывали устроиться в автоколонну. Но однажды из почтового ящика вытащили письмо из милиции, тоже звали на работу. Вот ребята и пошли туда. Их взяли, на учебу отправили, только не довелось им поработать в милиции. Их отправили на практику в ГАИ, они на дороге стояли, следили, чтобы шофера по правилам ездили, а тут пьяный на грузовике прямо на них выехал и задавил. Твоя мама тоже погибла от пьяницы, только она в машине ехала, а Вовка и Толька на дороге стояли. Похоронили их, и Наталья тоже не задержалась на этом свете, за внуками отправилась. Возраст у неё уже не юношеский был, а тут горе такое, сразу двух внуков потеряла, вот сердце и не выдержало. И остался Паша совсем один в трёхкомнатной квартире. Он тогда в техникуме учился, а когда такая беда случилась, бросить хотел, да мы не дали, шефство над ним взяли. В профком бегали, просили, чтобы его из квартиры не выселяли. А то нашлись желающие на его жилплощадь, хотели парня в общежитие переселить, а его квартиру занять. Тут нам милиция помогла, все-

таки Вова и Толя при исполнении погибли. А потом Паша женился на Вере, ребёнок у них появился, и от него отстали.

– А Вова и Толя были женаты? Или девушки у них были? – поинтересовалась Алька.

– Женаты не были, не успели, а вот девушки были. Они приводили их к нам на смотрины, тоже нашли себе сестёр – Ира и Наташа. Ирочка ровесницей им была, а Наташа ещё совсем молоденькая, восемнадцать годков всего. На похоронах плакали обе, особенно Ирочка. Наташа сдержанней себя вела, да это и понятно – молодая она ещё, не совсем понимала, а может, и любви у неё к Толику не было. Но вот где они сейчас – мы не знаем.

– А кто такая баба Маня? – спросила Аля и заметила, как нахмурились старушки.

– Про неё мы мало знаем, – с сожалением произнесла баба Дуся, хотела ещё что-то сказать, но баба Анна перебила её.

– А хорошего совсем не знаем! Она появилась у нас года три назад или немного позже, как насупленная грачиха – вся в чёрном и с длинным острым носом. Я спросила у Веры, кто она такая. Говорит – дальняя родственница, о которой она слышала, но которую ни разу не видела. Паша и Вера встретили Маню хорошо, выделили ей маленькую комнатку, думали, что она им с Димкой поможет. Вера ведь медсестрой в поликлинике работала, а Паша шофёром, в командировки часто ездит, Димку иногда из сада забирать некому было, вот они на Маню и рассчитывали. Мы им предлагали свои услуги, но они говорят, что им неудобно больных и старых бабок гонять в сад за их ребёнком. Можно подумать, Маня моложе и здоровее нас была. Димка бабу Маню не любил, убежал от неё, говорил, что она похожа на Бабу Ягу. А она тоже его не очень-то и жаловала, могла даже ударить. Паша как увидел, что она дала парню подзатыльник, рассердился сильно. Мы хоть люди и простые, но мальчишек не били, отругать могли, по-нашему, по-русски, а вот чтобы руки распускать – никогда. Паша велел Вере уволиться с работы и сидеть с Димкой, говорил, что достаточно зарабатывает, чтобы содержать семью, но Вера воспротивилась. А однажды, не так давно было, Паша уехал в поездку, а Вера приболела сильно, а Маня возьми и увези их куда-то. Паша приехал, а жены с сыном нет. Уж не знаем, куда он ездил, где их искал, но привёз назад, бабе Мане запретил показываться ему на глаза. Вера перешла в другой кабинет работать, вечера теперь у неё свободными стали, – баба Анна замолчала.

– А где у вас есть телефон? – Аля окинула взглядом окрестности, но телефонной будки не увидела.

– У Паши, ему с работы поставили, – охотно ответила баба Дуся.

– А ещё где?

– Автомат есть на углу соседнего дома, только он часто не работает, – на этот раз ответила баба Анна.

– Да, ещё забыла спросить, а про родственников Веры вы что-нибудь знаете?

– Родителей у неё нет. Там такая печальная история: отец по пьяни убил мать, его посадили, а Веру забрала к себе тётка. Но Вера не хотела о себе рассказывать, мы и не настаивали. Павел её полюбил, ему с ней жить, чего же нам, двум выжившим из ума старухам, влезать в их жизнь? – ехидно проговорила баба Анна.

– Так уж и выжившим? – улыбнулась Аля.

– Конечно выжившим, иначе, почему мы тебе всё рассказываем? Не зря женщина и мужик появились! Мы с Дусей всё обсудили и решили – задумали они что-то. Но что? Не сможешь узнать? Были бы мы моложе, сами бы всё выяснили, но сейчас мы уже передвигаемся с трудом, Дуся вон, только с палочкой. Даже в магазин Вера с Пашей нам ходили. Своих детей у нас нет, не хватило нам женихов в своё время. Дуся хоть полгода замужем побыла, вот только ребёнка ей бог не дал, а я так и не пыталась даже, – баба Анна серьёзно и пристально посмотрела на Алю.

– Ой, так может, я в магазин сбегая? Если что-то нужно, говорите, не стесняйтесь.

– Мы в таком возрасте, когда чтобы выжить, стесняться не приходится, – усмехнулась баба Дуся.

– Значит так, сейчас я на некоторое время отлучусь, мне позвонить надо, а вы подумайте, что вам надо купить и скажите мне, завтра я выполню ваш заказ, – Аля встала и направилась в сторону телефона-автомата.

Телефонная будка сиротливо приткнулась к серому пятиэтажному зданию. Аля вытащила свой кошелек и нашла нужную монетку, минуту думала, кому бы ей позвонить, потом решительно принялась крутить диск.

– Ермаков слушает! – рявкнула трубка таким недовольным голосом, что Алька вздрогнула и отодвинула её от уха.

– Сергей, я чуть не оглохла! – возмутилась девушка. – Нельзя ли говорить тише?

– А, Алька, привет! Что-то тебя давно слышно не было, как дела? – сменил гнев на милость Ермаков.

– Спасибо, нормально. Ты там в кабинете один? – осторожно спросила Аля.

Она не видела, что при упоминании её имени сразу несколько пар глаз усталились на Сергея. В кабинете во время её звонка находились Стас Сергиенко, Тарас Нелейвода и на минутку забежал майор Гришаков. Владимир Юрьевич щёлкнул кнопку громкой связи, и Алькин голос разнёсся по кабинету, озвучивая её последний вопрос. Сергей вопросительно посмотрел на майора, тот отрицательно покачал головой.

– Один. А что ты хочешь?

– Серёжа, тут такое дело, в этот понедельник в районе четырех часов было совершено зверское нападение на Кудрину Веру Николаевну, знаешь об этом?

– Допустим, – уклончиво ответил Ермаков.

– И что муж её пропал, знаешь? – продолжила Аля.

– Алевтина, что ты хочешь? – проявил нетерпение Сергей.

– Так вот, их квартира почему-то открыта...

– Не понял, и что из того?

– Как что?! А кто мне говорил, если дверь квартиры, которая должна быть на замке, открыта, – это подозрительно и в неё лучше одной не заходить? Ты, Серёжечка, говорил и товарищи твои, а мне очень нужно попасть в эту квартиру, но одна я боюсь. Может, ты подъедешь? – осторожно спросила Аля.

– А ты сейчас где?

– Господи! Сергей, но почему ты сегодня так туго соображаешь? Я около квартиры Кудриных, и ты мне нужен! – потеряла терпение Алька.

– А звонишь откуда? Надеюсь, не из самой квартиры?

– Из автомата, он тут на углу соседнего дома приткнулся. Так ты приедешь или мне одной осмотреть квартиру?

– Что?! Ты что, в очередной раз рехнулась? Только посмей переступить порог жилища Кудриных, загремишь в КПЗ! Жди, скоро буду! – Сергей положил трубку.

Аля вышла из телефонной будки и задумалась. «Так, Серёжка приедет не раньше, чем через сорок минут, так что я успею зайти в магазин и купить старушкам необходимые продукты: молоко, хлеб, колбаса. А что ещё? Картошка, капуста, морковь, горох и суп овощной оказался не плох. А вдруг у них всё это есть? Зря только потрачу деньги и буду таскать тяжести. Так, хватит рассуждать, быстро в магазин и к Пашиной квартире, а то ещё пропущу Сергея, и потом он меня может и не пустить в квартиру. А, может, зря я сюда пришла? Надо было позвонить дяде Васе и рассказать ему всё, уж его люди точно узнали бы, кто такая баба Маня и куда она дела Димку. Хотя нет, звонить генералу не буду, он последнее время ко мне недовольным приезжает, да и с его конторой не хочется дело иметь, уж слишком там люди принци-

пиальные и несговорчивые». Рассуждая про себя, Аля зашла в продуктовый магазин, купила то, что считала нужным и поспешила к старушкам.

Увидев продукты, старушки смутились.

– Зачем ты, мы не нищие, у нас пенсии хорошие, да и живём мы сейчас в одной квартире, а вторую сдаем студентам. Деньги небольшие, но всё же прибавка к пенсии. Так что денег нам хватает, даже на похороны откладываем, – сообщила Але баба Анна.

– Ань, что ты мелешь? Не слушай её, Аля, не на похороны мы откладываем, а на чёрный день, – поправила подругу баба Дуся.

– Не тешь себя, Дуся, – усмехнулась баба Анна, – до чёрного дня мы с тобой, скорее всего, не доживём, а вот до похорон точно дотянем.

Аля занесла продукты старушкам на кухню и заспешила обратно, ждать Сергея.

Глава 4

Сергей положил трубку и вопросительно посмотрел на майора

– Я съезжу, посмотрю, что там у неё?

– Откуда она знает Кудрину? – недовольно спросил Гришаков.

– Сын Кудриной ходит в её группу. Алла говорит, что мальчик даже живёт у неё после несчастья с матерью.

– А что говорила сама Алевтина?

– Я с ней не разговаривал...

– Почему?

– А зачем? Она только воспитатель сына Кудриной, в день трагедии находилась на работе, к преступлению отношения не имеет. Мне что, надо было беседовать со всеми мало-мальски знакомыми пострадавшей?

– Надо было, и не только со знакомыми Кудриной, но и со знакомыми Кудрина. Ты не забыл, что он пропал вместе с машиной и грузом?

– А Алёшка здесь причём? С Кудриным у неё отношения чисто деловые, как у воспитателя и родителя. Сын Кудриных мальчишка шустрый, хлопот воспитателям доставляет много, но они за это не собирались мочить его родителей.

– Иногда детки так доводят взрослых, что удивляешься, как их ещё не пришили, – подал голос Тарас Нелейвода.

– Кого не пришили, детей или родителей? – усмехнулся Ермаков.

– И тех, и других. У моей подруги сын есть, Денис, четырех лет от роду, так это не ребёнок, а исчадие ада. Я стараюсь домой к ней не ходить, чтобы не прибить этого негодника.

– О! У тебя подруга появилась? – удивился Ермаков. – И кто она?

– Такая женщина! – загадочно ответил Тарас. – Если бы не её малолетний разбойник, женился бы не задумываясь.

– Мы сейчас не амурные дела Тараса обсуждаем, а решаем, что делать с Алевтиной, – перебил коллег Владимир Юрьевич, подошёл к окну, открыл его и закурил.

– Юрьч, не надо раньше времени накалять атмосферу, она только попросила вместе с ней зайти в квартиру. Вполне, кстати, разумно, что нам позвонила. Может, ей всего-навсего надо взять какие-нибудь вещи мальчика? – попытался успокоить майора Стас Сергиенко.

Владимир Юрьевич медленно повернулся, обвел всех внимательным взглядом и ехидно проговорил.

– Хочу заметить, что вызывает она Сергея, и не хочет, чтобы об её интересе к квартире Кудриных узнали. Но даже не это главное. Я лично опечатывал квартиру, а Аля говорит, что квартира открыта. Так что, Сергей, я поеду с тобой и сам побеседую с Алевтиной, раз ты не можешь, – принял решение Гришаков. – Я не очень верю в её благоразумие. Сами подумайте, как она планировала попасть в квартиру без хозяев? Или у неё есть ключи, или она считает, что в квартире кто-то живёт ещё, помимо Кудриных. Поехали, Сергей!

Алёшка вышла из квартиры бабок и села на подоконник на лестничной площадке. Она посматривала на улицу и ругала про себя Сергея. Уже прошло сорок минут, а его всё нет. Окинув ещё раз дорожку, ведущую к дому и не заметив Сергея, перевела свой взгляд на дверь квартиры под №6.

«Уж не поторопилась ли я, позвонив Сергею? Он может меня и не пустить дальше порога, зачем тогда я сюда приезжала? Надо было самой вначале оглядеться, а уже потом ему звонить. И что теперь делать? Я же хотела посмотреть фотографии, письма поискать, чтобы узнать, где может быть Димка. А разве Сергей мне разрешит взять хоть что-нибудь из квартиры? Нет,

конечно. Но то, что сделано, то сделано, нечего теперь локти кусать. Вот только зачем я сейчас время теряю? Пока Сергей добирается сюда, я быстренько осмотрю квартиру и альбомчик экспроприрую. Посмотрю, что это за родня у нашего Димки, что его у меня чуть ли не из-под носа выкрали». Аля ещё раз окинула взглядом дорожку и решительно направилась к квартире Кудриных.

На первый взгляд ничего необычного в жилище не было. Узкий длинный коридор, на полу красная дорожка. В ванную и кухню Аля не пошла, а направилась прямо в зал. Стандартный набор мебели: по правую сторону – стенка, по левую – диван и два кресла по бокам, перед диваном журнальный столик. На окне желтые шторы, в углу – телевизор. «Да, не оригинально, – подумала Аля, – Где же они хранят фотоальбомы и документы? Надо посмотреть в стенке. Так, здесь посуда, здесь тряпки, здесь книги. А, вот и альбом! Так, рассматривать его у меня сейчас времени нет, надо еще документы какие-нибудь найти».

Аляка положила альбом в сумку, благо она у нее была вместительная, и принялась за дальнейшие поиски. В стенке ничего интересного больше не нашла и пошла в другую комнату. Это была детская. Здесь стоял диван «Юность», книжный шкаф с детскими книгами, одна из полок шкафа была занята машинками разных размеров и марок. Рассудив, что в детской она ничего интересного для себя не найдет, Аляка направилась в спальню. Подошла к трельяжу и выдвинула верхний ящик, увидела бумаги и протянула к ним руку, но взять не успела. На её плечо легла крепкая мужская рука. Аля вскрикнула от неожиданности и повернулась. Перед ней стоял Сергей Ермаков.

– Сергей, ты меня испугал! – возмутилась Аляка. – Что ты здесь делаешь? Почему подкрался незаметно?

– Что?! Это ты что здесь делаешь? Ты где должна была меня ждать? Аляка, у тебя что, мозги ушли в очередной отпуск? Как ты попала в опечатанную квартиру? – сыпал Ермаков вопросами, и Але показалось, что Сергей злится.

– Что? Как в опечатанную? Не придумывай! Если бы квартира была опечатана, меня старушки предупредили бы, а они мне ничего не сказали. Квартира была открыта, тебя долго не было, вот я и решила не терять время зря, а осмотреть ее самостоятельно, – Аля виновато посмотрела на Ермакова.

– Это ты, Аля, будешь объяснять майору Гришакову, – усмехнулся Сергей, причем усмешка у него получилась такая печальная, что девушка заволновалась.

– Серёжа, но ведь ты ему ничего не скажешь, правда? А я тебе... Что ты хочешь, чтобы я тебе сделала? Знаю – я за Аллу в пятницу отработаю, она просила отгул, а Любовь Андреевна не дала, потому что некому работать, – Аля заискивающе смотрела на парня. Ответить он не успел.

– Так, гражданка Голубева, что я вижу и слышу? Подкуп должностного лица при исполнении им своих служебных обязанностей, – донесся до Алякиных ушей насмешливый голос Гришакова.

– Володя? И ты здесь? А зачем ты приехал? Я тебя не звала, – растерялась Аля.

– Видишь ли, гражданка Голубева, мы на убийства выезжаем помимо воли подозреваемых.

– Убийства? Но здесь нет убийства, я просто пришла кое-что выяснить, и было во всех комнатах, трупов здесь нет. Или ты думаешь, что я слепая?

– Аля, – тронул её за руку Сергей, он хотел что-то сказать, но Гришаков перебил его.

– Старлей, помолчи!

– А, я поняла! Убийство было не сегодня, но гражданин майор, хочу вас огорчить, сегодня сюда я приехала в первый раз, – развела руками девушка, – так что списать на меня убийство вам не удастся. Ой!

– Что такое? Вспомнила что-то? – встрепенулся Владимир Юрьевич.

– Димка, – прошептала Аля и посмотрела на мужчин испуганными глазами.

– Что Димка? – спросил майор.

– Кого убили? Мальчика? Володя, миленький, скажи, кого убили? Если Димку, то я себе никогда не прощу! Мне надо было сразу бежать сюда, скандал устроить, да всё что угодно, но только выщарапать Димку из цепких лап монашки. А я ограничилась только телефонным звонком, да ещё два дня ждала, думала, они придут в садик. Господи, какая же я дура! – Аля уронила голову на руки и зарыдала.

Владимир Юрьевич и Сергей переглянулись. Сергей погладил девушку по голове.

– Успокойся, Аля. Убит не мальчик, – тихо сказал он.

– Иди сюда, горе ты моё, – тяжело вздохнул Владимир Юрьевич. Он взял Алю за руку и подвёл к ванной. Остановился и внимательно посмотрел на неё. – Скажи, о каких старушках ты говорила?

– Я? Когда? Тебе, наверное, показалось...

– Не делай из меня дурака! – перебил её майор. – Скажи, только честно, куда ты заходила в квартире?

– Я была во всех трёх комнатах.

– А в кухню, в ванную заходила?

– Нет, что мне там делать?

– А в спальне что тебе надо было?

– Ничего, просто хотела посмотреть, как люди живут, – Аля смутилась и опустила глаза.

– Значит, говорить правду ты не намерена?

Аля не ответила.

– Ну что ж, тогда смотри. Я хотел обойтись без фильма ужаса, думал, ты добровольно о своем интересе поведаешь, – Владимир Юрьевич толкнул дверь ванной, и Алькиным глазам предстала ванна, наполненная тёмной водой, и в этой воде плавало что-то черное и издавало неприятный запах. Тошнота подступила Алькиному горлу, но вырваться наружу не успела. Её опередил туман, который сгустился в голове с такой быстротой, что она рухнула к ногам Гришакова, даже не поняв, что же произошло. Майор не успел её подхватить, Ермаков бросился к Аляке, поднял её бесчувственное тело, перенёс в зал и уложил на диван. Владимир Юрьевич закрыл дверь в ванную, и пошёл за Сергеем в зал.

– Юрыч, зачем ты потащил ее туда? – недовольно спросил Ермаков.

– Тоже мне, сыщица хренова, – выругался майор, – барышня кисейная. Ты только представь себе, что было бы, если бы она вздумала после своего обыска руки помыть и сунулась бы в ванную? Ну, я ей устрою! Значит так, старлей, как только она придёт в себя, отправь её в управление, да наручники не забудь.

– Зачем ты так? – тихо спросил Сергей. – Конечно, Аляка сует свой любопытный нос куда не надо, но наручники – это перебор. Она такая ранимая...

– Ермаков, спустись с небес на грешную землю! Она ранимая, только когда ей приходится отвечать за свои поступки. Или ты думаешь, я поверю в эту сказку, что она пришла к Кудриным за одеждой для ребёнка? Для этого и шмон устроила по всей квартире? – кипятился Гришаков.

– Да понимаю я всё, знает она что-то или подозревает. Володь, всё равно, давай я её домой отвезу, она успокоится, в себя придёт, а потом в спокойной обстановке побеседуем с ней.

Аля открыла глаза и с недоумением уставилась на незнакомый потолок, потом перевела взгляд на мужчин.

– Где я? – тихо и недоуменно спросила она.

– У неё ещё и память отшибло. Думаешь, дома она вспомнит, что делала в чужой квартире, да ещё и по соседству с трупом? – ехидно спросил коллегу Гришаков.

– Ничего я не думаю! – рассердился Сергей. – Плохо ей сейчас, и нечего приставать к ней со своими издёвками.

– Ах, это значит, я над ней издеваюсь? – почти ласково проговорил Владимир Юрьевич. – Хорошо, тогда я сейчас позвоню Иволгину, пусть он сам с ней разбирается, тем более исчезновением Кудрина занимается их контора. А мне от тебя, Голубева, нужно только объяснение – как, когда и при каких обстоятельствах ты попала в опечатанную квартиру, что здесь делала, знала ли погибшую? Раз разговаривать со мной ты не желаешь, то поедешь под конвоем в управление и там, на бумаге, письменно ответишь на эти мои вопросы. Я вынужден здесь задержаться, так что постарайся закончить своё сочинение до моего приезда, иначе заканчивать будешь в КПЗ, – майор сердито посмотрел на растерянное лицо Али, внутри у него шевельнулась жалость к ней, чтобы не позволить ей выйти наружу, он сдвинул брови и вышел из комнаты. Ермаков последовал за ним.

– Юрыч, ты предвзято к ней относишься. Можно, я с ней поеду?

– Да нормально я к ней отношусь! Не бойся, не съедят её в управлении, а ты мне здесь нужен, давай по соседям, может, видел кто-нибудь, что тут произошло два дня назад. А Альку я переадресую Анне, – Владимир Юрьевич вынул сигарету и повертел ее в руках.

– Откуда знаешь, что два дня назад здесь что-то происходило? – удивился Сергей.

– Ты бы, старлей, не только любовался бы Алькиными глазками, но и прислушивался бы к её словам. Когда она услышала об убийстве, подумала, что убит мальчик и сказала, что не надо было ждать два дня, а надо было сразу бежать сюда, а она ограничилась только телефонным звонком. Куда она могла звонить? Разумеется, на номер телефона Кудриных, а телефон стоит в опечатанной квартире, но ей ответили. Понял? Иди, Сергей, работай! И куда это мужики делись?

И сейчас же на лестнице послышался топот и в квартиру ввалились несколько парней во главе с Анной Ермоленко. Владимир Юрьевич молча указал на ванную, сам взял Анну Николаевну под руку и тихо ввел в курс дела.

– И где она сейчас? Ты её уже в управление отправил? – спросила Анна Николаевна.

– Нет пока, не с кем было. Она в зале.

Анна Николаевна зашла в зал. Аля уже не лежала на диване, а сидела, но глаза у неё были прикрыты.

– Володя, вы сами справитесь? А я её заберу, запах здесь стоит не для женских носиков, – Анна Николаевна взяла Алю за руку. – Пойдём, Аленька, на свежий воздух. Да, майор, машину я у тебя заберу.

– Ты что, с ума сошла?! – возмутился Гришаков. – Мою машину не трогай, она мне самому нужна.

– А нам что, на автобусе ехать? Аля еле на ногах стоит!

– Возьми машину мужиков, у них тут работы много, Ваня успеет вас отвезти и вернуться за ними. Всё, Аня, увози её! Да, ты её там чаем напои...

– Не учи, майор, – усмехнулась Ермоленко.

Глава 5

Баба Анна и баба Дуся прислушивались к тому, что происходило в соседней квартире. Увидев в дверной глазок, что Аля с какой-то неизвестной им женщиной вышли, старушки бросились к окну. Они видели, как женщина под руку подвела Алю к милицейской машине, помогла ей сесть в неё, села сама, и машина уехала.

– Аня, милиция арестовала девушку! – в ужасе проговорила баба Дуся.

– И что? Чего всполошилась? Не съедят они её, допросят и отпустят, – успокоила подругу баба Анна.

– А если не отпустят?

– Нет, Дуся, ты всё же совсем не хочешь шевелить извилинами. Она к нам когда пришла?

– Сегодня, в одиннадцать.

– А женщина ещё вчера нырнула в ванную, так что когда выяснят время смерти, девчонку отпустят. Вот увидишь, завтра она снова придёт.

– Зачем?

– Как зачем? Нам по хозяйству помогать.

– С чего это ты взяла, что она будет нам прислуживать? Да мы в барынях никогда не ходили...

– Нет, Дуська, ты всё же дура! И чего это я с тобой связалась? Мы с тобой договорились прикинуться немощными бабками, чтобы она над нами шефство взяла. Она молодая, настырная, втроём мы быстро разузнаем про тётку в чёрном и мужика в очках. А в девчонке мы не ошиблись, видишь, она не утерпела, забралась в квартиру...

Звонок в дверь прервал её рассуждения. Баба Анна, всё ещё ворча себе поднос о негодливости подруги, пошла открывать дверь. На пороге стоял худощавый парень.

– Милиция, – произнёс он. – У меня к вам, дамы, несколько вопросов...

– Ты нам документик какой-нибудь покажи, а уж потом свои вопросы задавай, – недовольно проговорила баба Анна, но парня пропустила в квартиру.

– Извините, – смутился парень. – Старший лейтенант Ермаков, уголовный розыск. Он показал старушкам своё удостоверение, на которое, они, кстати, даже не взглянули.

– Значит так, – не дожидаясь вопросов Ермакова, начала баба Дуся, – Алька ни в чём не виновата! Женщина окочурилась вчера, а Алька пришла к нам сегодня. В квартиру она зашла случайно...

– Дусенька, лапушка, – перебила подругу баба Анна, – молодой человек ещё тебя ни о чём не спрашивал, он с умалишенными совсем не будет разговаривать. Иди, душечка, поставь чайничек, надо гостя чайком угостить, – она подтолкнула подругу к кухне. – Пойдёмте, молодой человек, в зал, нечего в прихожей стоять.

Сергей удивлённо перевёл взгляд с одной старушки на другую, потом открыл дверь и крикнул:

– Юрыч, пойдёшь сюда!

Из квартиры Кудриных выглянул Гришаков и спросил:

– Чего тебе?

– Пойдём, майор, сейчас нам две милые дамы много интересного расскажут, – серьёзно ответил Сергей. – Они, оказываются, знают нашу Альку.

Мужчины уселись в зале на диване. Баба Дуся, закусив от обиды на подругу губу, накрыла на круглый стол, баба Анна зорко следила и за представителями закона, и за Дусей, чтобы одни не задавали лишних вопросов, а другая не вздумала бы на них отвечать. Когда стол был накрыт, баба Анна пригласила всех к столу. Посередине стола стоял большой блестящий золотом самовар, который так блестел, что слепил глаза. Таких самоваров, как думал Владимир

Юрьевич, наверное, больше нигде не осталось. Но не самовар удивил его, а чашки. Широкие, синие, перламутровые внутри, точно такие чашки выставляла на стол Алька, когда в доме были гости. Разлив чай по чашкам, баба Анна спросила:

– И так, что вы хотите от нас узнать?

– Откуда вы знаете гражданку Голубеву? – серьёзно спросил Владимир Юрьевич.

– А кто такая Голубева? – в свою очередь спросила баба Дуся бабу Анну.

– Дусенька, Голубева – это наша Алька, – ответила ей подруга.

– А! – протянула Дуся и замолчала, потому что Анна одарила её таким взглядом, что у бедняжки ёкнуло сердце, и занемел язык.

– Мы работали с её бабушкой в одной бригаде, – мило улыбнулась мужчинам баба Анна.

– И вы до сих пор поддерживаете с ней отношения? – недоверчиво спросил Владимир Юрьевич.

– С кем? С Антониной или с Алькой? – в голосе бабы Анны прозвучали ехидные нотки, которые не понравились ни Гришакову, ни Ермакову.

– С бабой Тоней вы встретитесь немного позже, на том свете, – сердито пробурчал Ермаков. – Сейчас вас о живых спрашивают.

– С Алькой мы вообще не поддерживали никаких отношений и увидели её сегодня впервые после похорон её мамы. Она совсем не изменилась, если не считать седых волос. Видно, не сладко девочке приходится, если она посела в таком юном возрасте. Но мы с Дусей её узнали сразу, как только увидели, – сказала баба Анна.

Баба Дуся молчала, потому что баба Анна время от времени бросала на неё сердитый взгляд.

– Скажите, как вас по имени отчеству величают, – с улыбкой спросил Гришаков.

– Я – Анна Васильевна, а она – Евдокия Тихоновна. Только нас по имени отчеству никто никогда и не называл, вначале мы были Анютой и Дуськой, потом стали Анной и Евдокией, а потом не успели оглянуться, как все стали нас звать бабой Анной и бабой Дусей. А вас я знаю, вы опечатывали квартиру соседей.

– Так, значит, вы знаете, что квартира была опечатана? – поспешно спросил Сергей.

– Вот именно – была! – подняла палец вверх баба Анна. – Вы её в понедельник вечером опечатали, во вторник все было тихо, а в среду приперся мужик и хотел сорвать бумажку с печатью, но мы с Дусей ему не дали. Тогда очкарик привел милиционера и всё равно зашёл в квартиру.

Мужчины переглянулись.

– Вы описать этого мужчину можете? Что он был в очках, мы поняли, а что ещё бросилось вам в глаза? – спросил майор.

– Мужчина среднего роста, среднего телосложения, густые черные волосы средней длины зачесаны назад, лицо длинное, глаза темные, нос нормальный, губы тоже. Голоса его мы не слышали, он всё делал молча, молча хотел сорвать вашу пломбу, молча ушёл и вернулся с милиционером.

– Ещё у него бородка была, такая клинушкой, как у Ленина, – дополнила подругу баба Дуся.

– А усы были? – спросил Сергей.

– Нет, в том-то и дело – борода была, а усов не было, – ответила баба Анна.

– А во что он был одет? – спросил Гришаков.

– Черные брюки, рубашка в полоску, куртка летняя, тоже черная, тогда тепло было, но носить такие легкие куртки рановато.

– Если он был в куртке, то откуда вы знаете, что на нем была надета рубашка в полоску? – поинтересовался Владимир Юрьевич.

Баба Анна замялась, ей на помощь пришла баба Дуся.

– Так куртка не застегнута была.

– Вот-вот, – обрадовалась баба Анна и замолчала.

– А милиционера вы знаете? Может, это ваш участковый? – задал следующий вопрос Владимир Юрьевич.

– Нет, нашего участкового мы знаем, он парень справный, как дядя Стёпа-милиционер – высокий, за версту виден. А этот? Скидыш какой-то! Вот только гонору у него много, накричал на нас, пятнадцать сутками грозил, когда мы у него попросили документ показать.

– А он показал вам свое удостоверение?

– Удостоверение он нам не показал, зато показал кулак. Сказал, будете лезть не в своё дело, посадит на пятнадцать суток с уголовниками. Что нам оставалось делать? Закрылись мы в своей квартире и через глазок наблюдали, что на лестничной площадке делается. Вот только из этой квартиры плохо видно, – посетовала баба Анна.

– Сергей, слетай в местное отделение, выясни, приходил сюда кто-нибудь из местных товарищей или нет, – приказал Гришаков. Ермаков ушёл.

– Скажите, почему же вы не позвонили в милицию, если удостоверение вам не показали, да ещё и кулаком погрозили? – укоризненно спросил Владимир Юрьевич.

– А как мы могли позвонить? Откуда? У нас телефон только у Паши, а там этот очкарик с милиционером засели. Милиционер через час ушёл, а очкарик так до ночи и не выходил.

– А ночью, значит, выходил?

– Ночью мы с Дусей спали, поэтому ничего не видели.

– Это ты, Аня, в свою очередь уснула, а в мою очередь он из квартиры не выходил, – боязливо вставила баба Дуся.

– Значит, ночью вы установили дежурство? – Владимир Юрьевич улыбнулся.

– Установили, – нехотя согласилась Анна и бросила на подругу очередной сердитый взгляд. – Дуся дежурила до часу ночи, потом меня разбудила, я и сама не заметила, как задремала. Так и проспала до шести часов утра в прихожей на стуле. На следующий день мы позвонили нашему участковому, но его не было на рабочем месте. Другой милиционер, нам незнакомый, ответил, вежливо так, что если квартиру открывали в присутствии представителя закона, то всё правильно, а что нам нагрубил этот представитель закона, то мы сами должны узнать его фамилию, написать на него жалобу, и его накажут. Как мы должны были узнать его фамилию?

– Понятно. Что потом было?

– Ничего. Во вторник очкарик зашёл в квартиру, а вот как он вышел, мы не видели. В четверг пришла женщина...

– Не в четверг, а в среду, – поправила подругу Дуся, и было удостоена недовольного взгляда подруги.

– Хорошо, в среду пришла женщина, одетая во всё чёрное, но она пришла одна.

– А с кем она должна была прийти?

– Ну, – замялась баба Анна.

– Анна Васильевна, неужели вы не понимаете, что если мы не узнаем всей правды, пострадает невинный человек, ведь мы в квартире застали Голубеву, и на неё в первую очередь падает подозрение в убийстве, – попробовал вразумить старушку Владимир Юрьевич.

– Но она же вам сама позвонила! – возмутилась баба Дуся и, не обращая больше внимание на взгляды подруги, затараторила. – Она вас почти час ждала, изнывала на лестнице. Алка только сегодня пришла, а ведьма уже вчера мёртвая была. А куда делся очкарик, мы не знаем, мы не видели, чтобы он из квартиры выходил. А мы только на полчаса отлучились, в магазин сходить, у нас хлеб закончился. Конечно, мы винца бутылочку взяли, чтобы нервы успокоить. Выпили немного, потом ещё раз в магазин сходили, а когда вернулись...

– Дуся, не таракти! – прикрикнула на подругу баба Анна. – Когда мы вернулись, квартира уже была открыта, и никого живого там не было.

– Откуда вы знаете, что никого там не было? Вы заходили в квартиру?

– Нет, вначале мы быстренько прошмыгнули к себе, чтобы нас не заметил этот очкарик, и только утром следующего дня, то есть сегодня, обратили внимание, что дверь соседской квартиры открыта. Мы покричали, если кто живой дома, нам не ответили, мы дверь прикрыли и пошли на лавочку, воздухом дышать. В нашем возрасте и при нашей пенсии, врачи рекомендуют больше на свежем воздухе бывать. А вскорости Алька пришла, вам позвонила, да пока вы ехали, она пошла сама в квартиру посмотреть, что там да как. А вдруг кому-нибудь помощь нужна была? Владимир Юрьевич, вы уж не ругайте девочку, молодая она ещё, жизнью не учёная, не знает, что нельзя в чужие квартиры лезть.

– Анна Васильевна, об этом знают даже дети дошкольного возраста, а Алевтина уже не ребёнок, а взрослая женщина, и поверьте мне, жизнь её учит, вот только научить не может. И что-то мне подсказывает, милые дамы, что вы пытаетесь водить меня за нос, из чего я делаю вывод, что вас жизнь тоже мало чему научила.

– Да вы пейте чаёк, пейте, я вам сейчас горячего подолью, – засутилась баба Дуся.

Владимир Юрьевич сквозь подозрительный прищур глаз наблюдал за старушками. Бабки ввали неумело и не вдохновенно, он сразу понял, что в квартиру они сунулись, и труп убитой женщины видели. Вот только когда? Вчера вечером или сегодня утром? Скорее всего – вчера, иначе, откуда они могут знать, что женщину убили до Алькиного появления здесь? А может они сами её вчера убили по пьяни?

– Насколько я вас понял, вчера вы были пьяны? – спросил он.

– Мы?! Да ты что, мил человек! Так, пригубили немного и всё, – возразила баба Анна.

– Ладно. А что вы можете сказать о соседях?

Вопрос старушек обрадовал, и они наперебой стали рассказывать о Павле, Вере и маленьком Димке.

Глава 6

Аляка сидела в кабинете Ермоленко, держала в руках кружку с остывшим чаем и молчала. Перед ней лежал чистый лист бумаги.

– Аля, скоро приедет Владимир Юрьевич, – напомнила ей Ермоленко.

– Знаю, я сейчас, только с мыслями соберусь, никак не могу понять, с чего начать. Аня, а кого убили?

– А ты разве не знаешь? – удивилась Анна Николаевна. – Разве не ты труп нашла?

– Нет, я только Сергея вызвала, а уж труп они сами, без моего участия, нашли. Я только видела что-то черное, плавающее в ванне, а потом всё – один туман.

– Убита женщина...

– Понятно, – перебила Аля. – Значит, искать надо мужчину в очках, – она взяла в руки ручку и начала писать. Исписала страницу, перевернула и снова задумалась. Аля покусывала кончик ручки и смотрела на висящую на стене картину прищуренными глазами, но саму картину не видела. Перед её глазами вырисовывалась своя картина: небольшое лесное озеро с неестественно голубой водой окружено со всех сторон непроходимой стеной леса, и только в одном месте виднелся небольшой просвет. Однако, что там в этом просвете было, рассмотреть не могла. Анна Николаевна несколько раз кашлянула, но Аля даже не обратила на неё внимание. Тогда Ермоленко встала, подошла к ней и тронула за плечо.

– Аля, ты ещё писать будешь? – спросила она.

– Аня, а почему Володя все время заставляет меня писать? Почему ты не можешь выслушать мои показания и записать их, как делала раньше?

– Почему не хочу? Очень даже хочу! Но твои, Аля, показания прерываются слезами, и у нас больше времени уходит на то, чтобы успокоить тебя, чем на поиски истины. А вот пишешь ты хорошо, и спокойно, уж не знаю, чем это объяснить. Так ты закончила?

– Не знаю, – честно призналась Аля. – Понимаешь, вроде и всё написала, а такое впечатление, что что-то важное пропустила. Я не знаю, как объяснить, но чувствую, что надо срочно искать Димку, иначе беда будет. Но не могу понять, где его искать. Почему-то у меня перед глазами всё время стоит озеро, окружённое лесом.

– Ладно, Аля. Дай я прочитаю, что ты там написала. Знаешь что, я буду читать, а ты рассказывай, – предложила Анна Николаевна.

– Что рассказывать?

– Всё, с самого начала.

– Да? И тебе интересно будет? – ехидно спросила Аля.

– Очень.

– Не могу понять, зачем тебе рассказывать с самого начала, но раз хочешь, слушай. Родилась в городе Энске 27 октября...

– Прекрати! – рассердилась Ермоленко.

– Почему? Тебе не интересно? Сама говорила, рассказать всё с самого начала, – усмехнулась Аляка.

– Знаешь, подруга, сегодня выходной день, время уже позднее, а я здесь сижу и бьюсь с тобой. Или ты хочешь, чтобы тебя засадили в камеру и только с понедельника начали разбираться, что ты делала в чужой квартире, да ещё по соседству с трупом? – на этот раз уже усмехнулась Анна Николаевна.

– Прости, Аня. Только как я могу что-то рассказывать, если сама ещё ни в чём не разобралась? Вот ты говоришь, рассказывай с самого начала, а где это начало? Я только хотела проведать своего воспитанника, у которого дома случилось несчастье. Пошла потому, что забрала его баба Маня, которая уже один раз увозила Веру и Димку неизвестно куда, опаивала гадостью

какой-то, и только Павел вызволил их из неволи. Бабу Маню из семьи прогнали, и вдруг она снова появилась, да ещё и Димку забрала. Вот скажи, куда она могла его деть? Дима не хотел с ней идти, его увели силой. Из сада увели, но до дома не довели. Соседки, две старушки из квартиры рядом, утверждают, что ребёнка бабка домой не приводила. А теперь выясняется, что бабу Маню убили. Вот скажи, что мне теперь делать? Где Димку искать? А не искать не могу, сердцем чувствую, что ему грозит опасность.

– Так, Аля, а в своем сочинении о мальчишке ты ничего не написала. Почему?

– Как не написала? Вот же, русским языком написано: пошла проведать Диму Кудрина.

– Но кроме этой фразы, больше ничего. Ты спрашиваешь, что тебе делать? Рассказать нам что знаешь, и что подозреваешь и спокойно жить дальше: работать, растить сына, хорошо сдать экзамены и получить диплом. А заниматься поиском мальчишка будут специалисты.

– Знаю я этих специалистов! Мою Алёнку так и не нашли, Климов опередил, но я хоть знаю, что ей ничего не грозит. А что касается сына, то у меня такое чувство, что я ему не нужна: у него Алёна и Руслан есть, которые выполняют все его капризы. Алёна его из сада забирает даже не поставив меня в известность. Вот и в Черноморск увезла против моей воли. Честно скажу, я не знаю, что мне делать. Чувствую, что Василёк всё дальше и дальше удаляется от меня, что я не являюсь для него тем единственным человеком, без которого он жить не можешь. Иногда мне кажется, что он сожалеет, что я его мама, а не Алёна.

– Зря ты так думаешь, Василёк любит тебя, он знает, что ты у него есть и всегда будешь, а Алёну его балует, вот он и тянется к ней. Аля, поставь себя на место Василька, разве ты не захотела бы поехать на море?

– Всё равно мне обидно. И почему она меня ругает? Я ведь давно уже не ребёнок. Что я такого плохого сделала? Не отпустила сына в Черноморск? И что? Это же мой сын! Я, может, хотела сама с ним куда-нибудь съездит, а она даже не поинтересовалась, какие у меня планы. Пришла и поставила перед фактом – мы уезжаем и забираем Василька. Да ещё говорит, что забирает его, чтобы он мне не мешал к экзаменам готовиться. Можно подумать, что Вася мне мешает! Да он уже давно самостоятельный парень, отлично играет в саду один.

– Нельзя оставлять ребёнка одного, мало ли что может произойти. Разве не ты подняла по тревоге полгорода, потому что не могла найти сына? Ты же воспитателем работаешь, знаешь, на что маленькие дети способны.

– Аня, я всё понимаю, но иногда прихожу с работы домой, а дома такая тишина стоит, что хоть волком вой. Ты даже себе представить не можешь, как трудно быть одной. А от Алёны только и слышу: готовься к экзаменам! Да я свою учёбу уже ненавижу и жду не дождусь, когда же, наконец, диплом получу.

– Ладно, Аля, отвлеклись мы с тобой от темы. Мне надо домой бежать, а майор задерживается. Моя дочь хоть и не маленькая уже, скоро тринадцать, а всё равно не любит, когда я на работе задерживаюсь, да ещё в выходной день.

– Я тоже хочу домой, день прошёл впустую. И чего я Сергею позвонила? Сейчас бы уже давно была дома, – посетовала Аля.

– Тебе придётся дожидаться Владимира Юрьевича.

– Ладно, ты иди домой, а я его в коридоре подожду.

– Извини, Аля, но майор просил не оставлять тебя одну, без присмотра, – Анна Николаевна нажала кнопку на столе, в кабинет вошёл милиционер.

– Встать, руки за спину! – приказал он Аляке.

Аля встала, с вызовом посмотрела на милиционера, потом на Ермоленко.

– Я не привыкла держать руки за спиной, мне мама в детстве говорила, что это не культурно. А вам, Анна Николаевна, я больше ничего не скажу. Пусть Гришаков хоть лопнет от злости.

Аля вдруг схватила листок, лежащий перед Ермоленко, разорвала его и обрывки бросила ей на стол. Милиционер поднял руку, но голос Анны Николаевны остановил его.

– Саша, не надо, просто посади её в обезьянник.

– Хорошо, – буркнул Саша и посторонился, пропуская Алю.

Аляка не шла, а летела по коридору, милиционер Саша с трудом поспевал за ней. Она ничего не видела на своём пути, пару раз наступила кому-то на ногу, кого-то толкнула. Появившуюся преграду на своем пути она даже не попыталась обойти, а постаралась пройти сквозь неё методом тарана. Заметив, что путь ей не освободили, Аля сделала шаг назад и с новой силой боднула препятствие.

– Ты что, решила устроить в наших коридорах бег с преградами? – засмеялось препятствие голосом Гришакова.

Однако Аля не остановилась, а снова сделала шаг назад и снова боднула майора головой. Владимир Юрьевич взял её за плечи и как следует потрянул.

– Алевтина, приди в себя! Что с тобой? Белены объелась?

Аля не меньше минуты смотрела на майора, пытаясь понять, кто это посмел помешать ей занять своё место в обезьяннике. Поняв, кто это, бросилась на него с кулаками.

– Ты специально хочешь засадить меня в тюрьму! И всегда хотел! Ты не хочешь, чтобы я дружила с Ларисой! Ты считаешь, что это я убила бабуку! Вы все меня ненавидите! Вы хотите отобрать у меня сына и отдать его Алёне! – кричала Аля, ни на кого не обращая внимания. Ей было всё равно, что о ней подумают любопытные люди, выглядывающие из своих кабинетов. Перед ней стоял мужчина, которого она считала своим другом, и который теперь хочет обвинить её в убийстве вредной старухи. А перед её глазами стоял Димка, который протягивал к ней руки и просил о помощи.

Внезапно что-то обожгло её щеку, потом другую, её голова мотнулась влево, затем вправо. Слезы, застилавшие глаза, брызнули наружу, взгляд прояснился, Димка исчез, и Аляка чётко увидела встревоженные глаза майора.

– Пришла в себя? – жестко спросил Гришаков.

– Володя... – дальше говорить она не могла, хоть ярость и злость на всех окружающих её прошли после пощечин майора, зато появилось отчаяние. Она уткнулась Владимиру Юрьевичу в грудь и зарыдала.

– Пойдём в кабинет, нечего мне здесь бесплатные представления устраивать, – пробурчал Гришаков. – Свободен, – сказал он милиционеру Саше, который стоял, вытаращив глаза, и не знал, как ему поступить.

Владимир Юрьевич за руку притащил Альку в свой кабинет. Она не сопротивлялась. Едва они зашли в кабинет, Владимир Юрьевич повернул Алю к себе лицом и внимательно посмотрел ей в глаза. В них читались отчаяние и безысходность.

– Аля, что с тобой? – спросил он.

– Ничего, – прошептала девушка и опустила голову.

– Вот что, подруга, сегодня от тебя всё равно ничего не добьётся, так что поехали домой. Поговорим завтра, когда начнёшь адекватно мыслить. Но предварительно попьём чайку, а ты успокоишься, – Владимир Юрьевич подтолкнул её к столу. Аля послушно села. Вскоре перед ней стояла большая кружка чая, лежал бутерброд с колбасой.

– Я не хочу есть, – тихо сказала Аля.

– Ешь, дома у меня пустой холодильник, я же сейчас один остался. Лариса с Тимкой в Междоузёрск уехали, Юрка с классом на экскурсию в Новгород, Галка в санатории. Это Серегины бутерброды, его жена без подкормки на работу не пускает.

– А где он сам?

– Как где? Домой отправился, времени уже девятый час, так что ешь и тоже поедем домой, точнее, пойдём, я машину сейчас во дворе управления оставляю.

- Я что, к тебе пойду? – удивилась Аля. – Но почему?
- Видишь ли, Алевтина, мне будет спокойнее, если ты будешь у меня на глазах. У тебя сейчас дома никого нет? И у меня нет. Вот и проведем вечер вместе.
- Володя, я не могу идти к тебе, – тихо сказала Аля.
- Почему?
- Мало ли что Лариса подумает, я же женщина.
- Да?! – Владимир Юрьевич оценивающе посмотрел на Альку. – Я как-то об этом не подумал.
- Ты хочешь меня обидеть?
- Да что сегодня с тобой? Аля, даю тебе слово, что приставать к тебе как к женщине не буду, если ты этого боишься. Или ты предпочитаешь провести ночь не в моей квартире, а в КПЗ?
- Я, Володя, предпочитаю провести ночь дома, в своей постели, в компании с фотографией Кирилла, так как где он сам, я не имею никакого представления. И понять не могу, почему ты против этого скромного моего желания? Или ты всерьёз считаешь, что это я замочила старушку?
- Аля, я не думаю, что ты убила женщину, я, вообще уверен, что ты никого не можешь убить, а вот что замочить могут тебя – я почти уверен. Скажи мне, зачем ты полезла в квартиру Кудриных, если знала, что там не чисто?
- Сама не знаю, но вначале я не хотела туда соваться одна, поэтому и позвонила Сергею. Но потом поговорила с соседками и подумала, что вы, когда приедете, не дадите мне там всё как следует осмотреть и решилась.
- Ты хотела найти там что-то конкретное?
- Нет, просто хотела посмотреть, что там и как.
- Почему тогда ты проигнорировала ванную и кухню?
- Я о них даже не подумала, возможно, я просто не успела туда заглянуть.
- Аля, почему ты решила навестить Кудриных?
- Дело в Димке. Ты же уже знаешь, что он несколько дней жил со мной? А в среду, пока я утрясала свои дела в институте, пришла баба Маня и забрала мальчика, а бабка это сама верит в бога и считает, что верить должны другие. Мы с Любовью Андреевной позвонили Кудриным домой, трубку снял мужчина, назвался братом Павла и сказал, что придёт завтра и напишет заявление, что из сада мальчика он пока заберёт. Но не пришёл, вот я и хотела узнать, в чём дело. Вот и всё, что я пока знаю, – закончила Аля. – Володя, Димку надо найти. Во-первых – Вера ещё жива и дай бог поправится, во-вторых – найдётся Павел, я в этом уверена. В-третьих, и это самое главное для меня – мне не нравится баба Маня и её окружение.
- А ты знаешь её окружение? – спросил Гришаков.
- Лично не знаю, но могу предположить, что симпатичных людей среди её окружения нет.
- Почему?
- Володя, я же тебе уже сказала – она верить в бога.
- И что? Я могу тебе назвать много имён, обладатели которых верили в бога, но при этом оставались хорошими людьми. Вот, например, твоя баба Тоня.
- Я же не говорю, что все верующие – плохие люди. Даже наоборот – среди них очень много хороших и честных людей. Но баба Маня к ним не относится. И ещё... не знаю, как тебе сказать, но я не чувствую рядом с Димой эту бабку.
- Ладно, Аля, оставим эту бабу Маню пока в покое. Соседки Кудриных – две милые старушки, – доказывали мне, что в квартиру ты полезла по глупости. Мне показалось, что знают они больше, чем говорят. Аля, ты не лез в это дело, мы не знаем, почему стали преследовать Кудриных неприятности разного рода, даже предположений нет.

– Володя, а может Павел вез какой-нибудь ценный груз и его ограбили? Почему напали на Веру? Совпадение? А Димка? – Аля в задумчивости откусила бутерброд и стала медленно жевать. – Нет, не совпадение это. И виноваты в их бедах очкарик и баба Маня. Не зря же они появились? Баба Маня забирает Димку из детского сада, и мальчик исчезает в неизвестном направлении. Саму Маню убивают, очкарик испаряется. Что, он забрал Димку и уехал? Но Маня не привела Димку домой и очкарика с ребёнком никто не видел. Спрашивается, куда она отвела ребёнка после детского сада? – Аля доела бутерброд и допила чай. – У меня пока только две версии. Очкарик забрал Димку, чтобы шантажировать им Павла, тогда получается, что он у него в плену и, скорее всего, не отдаёт ему свой ценный груз. Володя, вы должны узнать, что вёз Павел. Вторая версия мне не нравится, но должна признать, очень вероятная и понятная. Павел сам украл ценный груз и скрылся. На Веру совершено нападение, он узнал об этом и попросил своих сообщников забрать сына, потому что Димку он любит. Но тогда возникает вопрос – почему за Димкой он послал бабу Маню? Её он не любил и последнее время они не общались, если верить Димке. А если общались? Тогда получается, что Паша сам связан с этой сектой и может у них скрываться? Надо искать эту секту и проникать в её нутро! – приняла решения Аля.

– Алевтина, что у тебя за мысли? Это кого и что ты собираешься искать? Куда проникать? – Владимир Юрьевич вскочил и нервно забегал по кабинету. Аля не сразу поняла, что это с ним случилось.

– Володя успокойся! Я не собираюсь искать убийц или убийцу бабы Мани, я просто хочу выяснить, куда делся Дима.

Гришаков остановился напротив неё и стукнул ладонью по столу.

– Значит так, гражданка Голубева, если я узнаю, что ты лезешь не в своё дело, пеняй на себя. И если ты, или кто-нибудь из твоих подружек, попадётся мне там, где не хотелось бы вас видеть, учти – церемониться не буду. А что касается лично тебя, то уже за то, что ты забралась в чужую квартиру и рылась там в вещах, я могу посадить тебя в камеру и будешь ждать, пока не приедет генерал и не решит, что с тобой делать. Зато я буду уверен, что ты не вляпаешься в очередное дерьмо, и твоя голова останется цела. Хотя в дерьмо, судя по всему, ты уже вляпалась. Аля, я считаю Кирилла своим братом, и ты мне не чужая, и мне не хочется, когда он вернется, прятать глаза и объяснять ему, почему мы тебя не уберегли.

– Но Кирилла так давно нет! А вдруг он забыл о нас с Васильком? Может, он нашёл себе другую? – голос Альки задрожал, и она отвернулась, чтобы майор не увидел её слёз.

– Аля, вот ты сейчас говоришь, и сама не веришь своему бреду, – Владимир Юрьевич подошёл к ней, поднял за плечи и развернул к себе лицом. – Я понимаю, ты устала ждать, но поверь мне, Кирилл всё о тебе знает.

– Володя, почему он мне даже никакой весточки не пришлёт? Хотя бы маленькую записочку.

– Значит, не может. Пошли домой, Аля, – устало сказал Владимир Юрьевич.

– Володя, можно я всё же поеду к себе домой? Я не хочу вас грузить своими проблемами...

– Да? И какие же у тебя проблемы? Аля, мы понимаем, что ты скучаешь без Кирилла, и тут я не знаю, как тебе помочь. Могу только посоветовать набраться терпения и верить, что он помнит о тебе и любит тебя. А вот то, что случилось с Кудринными – это, моя дорогая, не твоя проблема, а наша. Я тебя уже предупредил: будешь путаться под ногами – будешь сидеть в КПЗ.

– Я постараюсь не путаться у вас под ногами, – пообещала Аля.

– Вот и хорошо. А теперь пошли домой, если не хочешь оставаться одна со мной, то давай позвоним кому-нибудь из твоих подружек, пусть с нами переночуют.

– Не надо, у них же свои семьи, им не до меня. Будь, что будет. Ну, обвинят меня в том, что я твоя любовница, порвёт твоя Лариса со мной всякие отношения, так ведь не она первая, и думаю – не последняя.

– Аля, ты поссорилась с девчонками? – предположил Владимир Юрьевич.

– Нет, просто меня отчитали, что я лезу в их жизнь со своими проблемами, а я всего лишь хотела свою душу излить. Ладно, обойдусь.

– Подожди, и кому ты хотела душу излить? Не Ларисе, она бы тебя не отвернула. Значит Асе или Наташе. Но Ася уже две недели как в Чернигове, Стас к ним собирается, только вот отпуск я ему дать никак не могу – работы у нас много. Остается Наташа...

– Наташка была самой близкой моей подругой...

– Почему была? Аля, Наташе твоя дружба, возможно, потребуется больше, чем кому-нибудь другому. Тяжело ей сейчас, уж ты сама должна понимать, сама Кирилла ждешь.

– Володя, не пугай меня! Что случилось?

– Витя не вернулся из командировки, Наташи сейчас нет в городе, Василий Иванович сам увёз её в один из санаториев их системы.

– Куда?

– Не знаю, не во все свои тайны меня посвящает генерал. Пошли домой.

Зазвонил телефон, и Владимир Юрьевич снял трубку.

– Майор Гришаков слушает. Что?! Как пропала?! Когда? Так почему сразу не позвонили? Я не знаю, дома она или нет, я сегодня дома не был. Как мне с вами связаться? Так, хорошо, записал. Перезвоню через полчаса, – Владимир Юрьевич положил трубку и посмотрел на Алю. – Галка пропала, подралась с мальчиком и ушла из санатория, ещё утром, хватились к обеду, а мне позвонили только сейчас.

Галя, племянница Гришакова, вот уже две недели находилась в санаторной школе, в тридцати километрах от города, у девочки были проблемы со здоровьем. Правда, сама она никаких проблем у себя не находила, а в своих частых болезнях винила врачей и ненастную погоду. Погода, понятно, целую зиму стояла слякоть, а врачи виноваты были в том, что не могут ей выписать такую таблетку, выпив которую, она окончательно выздоровела бы и больше не простужалась. Галя считала, что во второй половине двадцатого века пора бы изобрести такую таблетку. Приживалась в санаторной школе она трудно, каждый день звонила и просила забрать её домой, иначе грозились убежать. Лариса уговорила её остаться на месяц, а потом, если не привыкнет, забрать домой. И вот теперь на дворе почти ночь, а девчонки в санатории нет. Домой Владимир Юрьевич не шёл, а бежал, Аля еле поспевала за ним. Подходя к своему дому, он с надеждой посмотрел на свои окна и облегчённо вздохнул. В Галкиной комнате горел свет, сама она сидела на подоконнике и смотрела в окно.

– Слава богу, она дома. Вот, Аляка, ты не будешь со мной одна в квартире. Но уж извини, придётся некоторое время потратить на воспитательные беседы с этой вздорной девчонкой.

– Володя, не ругай её, раз она ушла из санатория, значит ей там плохо, – попросила Аля.

– Да, конечно, я её похвалить должен за упрямство, непослушание и своевольство, – улыбнулся Владимир Юрьевич. – Знаешь, Аля, я не знал тебя, когда ты была в подростковом возрасте, но мне кажется, ты похожа была на мою Галку. Вернее, это она на тебя похожа. Смотрю на тебя и понимаю, что мало тебя в детстве пороли, вот чтобы не выросла из Галки такая же настырная, любопытная и упрямая особа, надо её чаще знакомить с ремнем.

– Если хочешь знать, в детстве я была белая и пушистая, к тому же ещё и нерешительная, и легкоранимая, так что пороть меня было не за что, – улыбнулась Аля.

– Да? А кто забрался в тайник бабушки, и выкрал у неё портфель с драгоценностями? Или ты считаешь, что тебя за это надо было наградить?

– Володь, в тайник я забралась уже после гибели мамы, так что пороть меня было некому, а бабе Тоне в то время со мной было не справиться. Да и не стали бы они меня наказывать, они старались всё донести до моих ушей, а не до задницы.

– Вот я и говорю, зря тебя в детстве не пороли, с ушами-то у тебя проблемы, так как в голове сквозняк гуляет. То, что в одно ухо влетает, быстро выдувается в другое. Придётся мне, на правах твоего родственника, исправлять огрехи в твоём воспитании. Если ты хоть раз попадёшься мне в какой-нибудь закрытой квартире, привезу в Междозерск, привяжу к скамейке и так выпорю вожжами, что всякий интерес к любой сыскной деятельности пропадёт.

– Ты мне не родственник, а свояк, или как там это называется? Родственники – это те, кто состоит в родственной связи – братья, сестры, отец, мать. А родственники супруга – свояки. Володя, ты меня прости, но ты никого выпороть не сможешь: ни меня, ни Юрку, ни Галку.

– Это ещё почему?

– Ты добрый. Нет, с виду ты суровый, особенно когда брови сводишь и хмуришься. И когда на наши грешные головы кары разные обещаешь, некоторые, кто тебя плохо знает, тебя даже боятся. Но я знаю, что ты добрый, и Галка, кстати, тоже знает, она тебя любит больше всех.

– Допустим, посадить тебя в КПЗ, мне никакая доброта не помешает, а что Галка любит меня, я знаю. И даже знаю – почему. Только, Аля, не надо больше об этом говорить. Я ещё сам не решил, как мне поступить. Когда Галя узнала, а ей тогда только шесть лет было, что она не родная дочь моего брата, очень переживала, особенно после гибели Нади. Она боялась, что Митя её бросит, раз она ему никто, а мы от неё откажемся. Конечно, Митька приложил к этому руку. У него, как только любовь начиналась, так Галка ему мешала, и он её... Сама знаешь.

– Знаю. Первой предположение, что ты её отец высказала Марина Северцева, когда Надя ещё была жива. Тогда наше с тобой знакомство ещё не состоялось, я сломала ногу и лежала в больнице, а вы умудрились упустить Анфису и Соломона. Соломон выплыл потом в Медвежьем Углу, а Анфиса как сквозь землю провалилась. Мы разговаривали, а маленькая Галка нас подслушала, а потом уже в Междозёрске, когда все узнали, что своих детей Митя иметь не мог, решили, что ты её настоящий отец. Это тебе только казалось, что никто не видел, как ты к Наде относился.

– Зато Галка успокоилась, и не боится больше, что мы от неё откажемся, как от чужой нам. А вот Митю, хоть и называла папой, но боялась. Я рад, что она меня не боится, и пусть считает меня своим отцом, скрывая это. Когда она подрастёт, я расскажу ей о её настоящих родителях, я бы и сейчас рассказал, но она опять начнёт переживать, что не имеет к нашей семье никакого отношения. И ты не проговорись!

– Будь уверен!

Они зашли в подъезд, поднялись на второй этаж. Галя открыла дверь и, не дав им переступить порог, затараторила:

– Дядя Володя, туда я больше не вернусь. И не спрашивай меня – почему? Просто прости и всё, – Галя перевела взгляд на Алю. – Здравствуй, тетя Аля. А я обед приготовила. Вы есть хотите?

Владимир Юрьевич засмеялся и потрепал девочку по голове.

– Корми нас, мы сегодня за целый день только по бутерброду съели.

Глава 7

Сон не шёл к Але. Стоило ей закрыть глаза, и она видела Димку, он плакал и протягивал к ней ручонки. Аляка встала, пошла в прихожую, взяла свою сумку, в которой лежал альбом семьи Кудриных, и снова зашла в комнату, выделенную Володей ей для ночлега. Вообще-то, это была комната его сына Юрки, но парень уехал на экскурсию в Новгород, вот Владимир Юрьевич и предложил Але переночевать в ней. Аля включила настольную лампу, вытаскала альбом и принялась рассматривать фотографии. На первой странице большая свадебная фотография. Павел в темном костюме, белой рубашке, без галстука, ворот рубашки расстегнут. Лицо обрамляли длинные, слегка вьющиеся темные волосы, весёлые и даже слегка хулиганистые глаза смотрели прямо в объектив камеры. Павел обнимал Веру. Девушка была в белом платье, распущенные длинные волосы украшал веночек из белых цветов. Паша и Вера были такие молодые, счастливые и довольные жизнью, что Аля невольно улыбнулась. На фотографиях у Павла и Веры менялись причёски, одежда, Павел заметно вырос и из хулиганистого парня превратился в зрелого мужчину. Изменилась и Вера: из юной девушки она превратилась в женщину, миловидную и привлекательную. Но остался прежним их взгляд: весёлый, уверенный и довольный. Вот общая фотография – Павел, Вера и Димка. Судя по всему, снимок сделан совсем недавно. Аля перевернула его и прочитала: апрель, 1978 год. Сама не зная почему, положила эту фотографию в сумку, и стала дальше рассматривать альбом. Незаметно, она уснула.

Утром разразился гром, несмотря на яркое солнце за окном. Владимир Юрьевич, зайдя к Але предупредить, что уходит на работу, обнаружил альбом.

– Что это? – спросил он голосом, интонация которого не предвещали ничего хорошего.

– Фотоальбом, – ответила Аля и натянула одеяло на пол-лица, оставив только глаза.

– Значит, ты прихватила его из квартиры Кудриных? Это за ним ты лезла? Что молчишь? Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Володя, чего ты так нервничаешь? Да, я взяла альбом, случайно. Чтобы искать Димку, нужна его фотография...

– Что ты собираешься делать? – тихо, но зловеще спросил Гришаков.

– В настоящий момент я хочу встать с кровати, пойти в ванную, принять душ, почистить зубы, – рассердилась Аля. – А ты стоишь тут, как столб фонарный! Потом я хочу выпить чашечку кофе и съездить домой. Мне можно домой? Или я теперь должна быть под твоим зорким оком всё время?

– Да, должна! Домой поедешь с Ермаковым, возьмёшь необходимые вещи и вернёшься назад.

– Час от часу не легче! – возмутилась Аля. – Буду делать, что хочу, а если будете меня преследовать, напишу на вас анонимку Тихонову. Скажу, что ко мне пристаёте, – Аля замолчала и боязливо посмотрела на Владимира Юрьевича. Его глаза метали молнии, с губ готов был сорваться гром. Аля вздохнула и тихо закончила:

– Как к женщине пристаёте...

– Что?! – взревел Гришаков. – Ты меня шантажировать решила?! А ну, собирайся!

– Куда? Ещё рано, сегодня же воскресенье.

– В тюрьму, голубушка! Надо было тебя ещё вчера посадить в КПЗ, да пожалел, думал, поймёшь, одумаешься.

– Володя...

– Я тебе сейчас не Володя, а майор Гришаков, а ты для меня – гражданка Голубева, подозреваемая номер один в убийстве женщины. Не забудь и кражу личного имущества Кудриных...

– Неправда, я у них ничего не брала, – тихо возразила Аля.

– А альбом? Они тебе его сами подарили? Молчишь?!

Аля испуганно посмотрела на Владимира Юрьевича, потом накрылась одеялом с головой и зарыдала. Гришаков смотрел на подрагивающее одеяло, и чувствовал, что опять не сможет остудить её сыщицкий порыв, а значит, придется её контролировать. Конечно, засунув Альку в КПЗ, он избавит себя от головной боли, но вот посадить её у него рука не поднимется. Он подошёл к кровати и уже было совсем собрался похлопать её по плечу и успокоить, как вспомнил бледное лицо и окровавленную грудь. Как же они тогда испугались за неё! Вспомнил брата Егора, потерянного во время войны и найденного благодаря Алье. Вспомнил, как уезжая, Кирилл ночью заехал к нему и попросил присмотреть за ней. Она стала для него такой же родной, как Лариса, Юрка, Галка. И он не мог допустить, чтобы ей угрожала хоть маленькая толика опасности.

– Перестань рыдать, – жестко сказал он. – Даю тебе тридцать минут на водные процедуры и завтрак.

Владимир Юрьевич ещё раз бросил взгляд на одеяло, под которым рыдала Аля, и вышел из комнаты. На кухне сидела Галка, подперев голову руками, и хмурилась.

– А что прикажешь мне делать? – виновато спросил Гришаков племянницу. – Я же переживаю за неё!

– Дядя Володя, ты должен её пожалеть, – тихо сказала Галя. – Мы же одна семья и должны друг другу помогать.

– Знаю, Галочка. Вот посидит твоя тётя Аля в КПЗ, остудит свой пыл, и не будет лезть, куда её не просят.

Галя ничего ему не ответила, а вышла из кухни и прикрыла за собой дверь. Гришаков поставил чайник на огонь и подошёл к окну. Он лихорадочно соображал, как ему поступить с Алькой. Время шло, а она всё не появилась ни на кухне, ни в ванной. Владимир Юрьевич посмотрел на часы, подождал ещё полчаса и пошел в комнату к Алье. Однако кровать была аккуратно заправлена, самой девушки в комнате не было. Не было её ни в ванной, ни на кухне, ни вообще в квартире. Владимир Юрьевич без стука влетел в комнату к племяннице.

– Где она? – спросил он.

– Ушла домой, – спокойно ответила девочка.

– Как ушла? Я же дверь закрыл на ключ, да и не слышал я, чтобы дверь открывали или закрывали.

– Дядя Володя, ты сам виноват! Зачем тётю Алю тюрьмой пугал? Вот она обиделась и ушла.

Гришаков подозрительно посмотрел на девчонку, махнул рукой и подошёл к телефону, чтобы звонить Ермакову. Однако снова потерпел неудачу – телефон не работал. Выругавшись про себя, он заглянул к Гале, приказал ей сидеть дома и направился к двери. Но открыть замок не смог.

– Галина, а ну, иди сюда! – крикнул он.

Галя робко выглянула из своей комнаты.

– Чтобы через минуту дверь была открыта, иначе это воскресенье ты запомнишь надолго, – тихо сказал Владимир Юрьевич.

Галя посмотрела на часы, потом перевела взгляд на дядю Володю.

– Сегодня же воскресенье, зачем тебе куда-то уходить? Давай проведем день вдвоём. Дядя Володя, ты так редко дома бываешь, мы скоро забудем, как ты выглядишь, – бросив опасливый взгляд на своего любимого дядю Володю, девочка осеклась и вжала голову в плечи. Лицо его побагровело, прищуренные тёмные глаза метали молнии, а руки медленно расстигивали ремень. Галя метнулась в зал, затем на балкон, но грозный оклик остановил её.

– Стоять!

Девочка застыла на месте, не добежав до спасительного балкона всего метра полтора. Он подошёл к ней, положил руку на плечо и подтолкнул ее к столу. Полные ужаса синие Галины глаза, понурые плечи и покорность, с которой девочка подставила спину пол его ремень, остудили пыл Гришакова. Вместо того, чтобы как следует выпороть своенравную девчонку, он откинул ремень, за плечи притянул её к себе и прижал к груди.

– Дядя Володя, она только хочет найти мальчика, – прошептала Галя в его грудь.

– Галочка, миленькая, ты пойми, тётя Аля может погибнуть, если будет одна искать Диму. Это работа милиции – разбираться с преступниками, а не тётя Али, и уж тем более не твоя. Я волнуюсь за неё!

– И ты не будешь сажать её в тюрьму? В тюрьме плохо, там темно, сыро и даже есть тараканы! А ещё там все время сидишь под замком и гулять, когда хочется, нельзя. А тюремщики издеваются над арестованными, бьют их, а женщин насилуют.

Владимир Юрьевич отстранил её от себя и удивленно посмотрел ей в глаза.

– Это ещё ты откуда взяла?

– Я в книге читала...

– Ох, Галина, сдаётся мне, не те книги ты читаешь. Поверь мне, никто тётю Алю обижать не будет, даже если мне, для её же благ, придется подержать некоторое время в КПЗ. Знаешь, что такое КПЗ?

– Знаю, не маленькая! Но тётя Аля не преступница, она просто хочет найти мальчика, а фотоальбом взяла, потому что хочет узнать их родственников и знакомых, а больше она ничего не брала, я сама проверяла, в сумке у неё больше ничего чужого не было.

Владимиру Юрьевичу снова захотелось взять в руки ремень и выполнить свое первоначальное желание выпороть девчонку, но раздался стук в стенку. Галя встрепенулась, освободилась из объятий дяди Володи и подбежала к телефону. Она переставила кое-какие проводки, и сразу же раздался телефонный звонок. Галя сняла трубку, послушала и протянула ее дяде Володе.

– Володя, не сердись, – услышал он голос Али. – И не волнуйся за меня. Всё, что я знала, я тебе рассказала. И что ещё узнаю, возможно, тоже расскажу, но только как Володе, а не как майору Гришакову, и как Алька, а не гражданка Голубева. Володя, я дома, хочешь меня арестовать, присылай за мной наряд милиции или группу захвата, добровольно я к вам не поеду, так что посадить меня ты сможешь только применив грубую физическую силу. Да и ещё, я сразу не поняла, а теперь, кое-что проверив, хочу тебе сказать, чтобы ты обратил внимание на одну из фотографий в конце альбома, это на ту фотографию, где группа мужчин сфотографирована возле костра. Версию, что Павел преступник, я исключаю. Когда ты внимательно согласишься посмотреть на фотографию, поймешь меня, – и Аля положила трубку.

Глава 8

В управление Владимир Юрьевич пришел только к двенадцати часам. Он зашёл к себе в кабинет, и сразу же к нему заглянул Сергей Ермаков. Он молча положил перед майором пару листов бумаги и сел за стол. Гришаков взял в руки листки и стал читать. Брови его поползли вверх от удивления.

– Вот тебе и баба Маня, – проговорил он.

– Алька не видела убитую, ты открыл перед ней дверь ванной, она увидела, что в ванне плавают что-то черное и потеряла сознание, – сказал Ермаков.

– А соседки Кудриных? Они тоже решили, что убитая – старуха. Хотя нет, это я решил, что они думают, что погибшая баба Маня, а сами они называли её ведьмой. Вот что, Сергей, я сегодня ещё раз поговорю с соседями, завтра надо сходить в детский сад и узнать, кто же на самом деле забрал мальчика из сада. И придётся потревожить Альку, хоть это и неприятно, но надо, чтобы она посмотрела на убитую, она же знала бабу Маню, пусть попробует её опознать. Тут такое дело, или у нас две разные женщины, или одна, но почему-то предпочитающая, чтобы её принимали за старуху. Как там Вера Кудрина, в себя не пришла?

– Я сегодня звонил, пока нет. Юрыч, у тебя что, дома телефон не работает? Сегодня целое утро дозвониться не мог.

– И телефон не работал, и замок дверной не работал, вот только Алька непонятно как исчезла из квартиры, – усмехнулся майор. – Знаешь, я сегодня чуть Галку не выпорол...

– Так она же у тебя в санатории! – воскликнул Ермаков.

– Уже нет, вчера сбежала, а сегодня помогла исчезнуть из моей квартиры Альке. Надо с девчонкой что-то делать, а то начнёт Альке помогать искать мальчишку. Завтра, нет уже сегодня, позвоню Фёдке Мазину, он работает директором школы, в которой Галка учится, отпрошу её, всё-таки ещё две недели учёбы впереди. Вообще-то, она хорошо учится, так что две недели на её знаниях никак не скажутся.

– А зачем? Пусть девочка спокойно учится, будет меньше свободного времени, чтобы дурью заниматься, – Сергей вытащил сигарету и принялся мять её в руках.

– У тебя нет детей, и ты пока не знаешь, что не всегда они делают то, что мы от них хотим и что они должны делать. Я уверен, что школой Галя только прикрываться будет, якобы уходит в школу, а сама будет шнырять по городу.

– Ты думаешь, Алька воспользуется её помощью? – засомневался Ермаков.

– Нет, конечно, Галя о своей деятельности никого в известность ставить не будет, ни меня, ни Алю. Нет, Серега, из города я её увезу, и увезу в такое место, откуда она сбежать не сможет. Вот только договорюсь со школой, чтобы её на второй год не оставили, всё же она целый месяц занятий пропустит. А вот что делать с Алевтиной? Посадить в КПЗ до приезда Иволгина и потом передать её ему на поруки?

– А что? Посадим её в одиночку, натаскаем книжек разных, пусть сидит и читает. А я буду её навещать, передачи носить, конфетки, прянички. Юрыч, давай посадим её! – загорелся Ермаков.

– Размечтался, передачи он будет носить! Ты не забыл, что у тебя жена есть? Да и кто нам разрешит её долго в КПЗ держать? Тут для настоящих преступников камер не хватает. Нет, Сергей, посадить надолго мы её не сможем, придется контролировать каждый её шаг на воле.

– И как ты себе это представляешь? Ты случай с иконой не забыл? Её тогда контролировали и мы, и КГБ и даже личный охранник был представлен и никто не уберёг. Да и подружки у неё такие же неумные, стоит Альке только бросить клич, и сейчас же бросятся ей на помощь.

– Кстати о подругах. Меня удивляет, что она до сих пор не бросила этот клич, и вчера, когда я решил Альку забрать к себе домой, она странно себя повела. Решила, что её обвинять, что она моя любовница, если она у меня ночь переночует.

– Ты думаешь, она с ними в ссоре? Сомнительно. Скорее всего, не хотела быть у тебя под колпаком, вот и несла разную чушь.

– Не знаю, сегодня приедет Лариса, спрошу у неё. Мне показалось, что Алька не собирается просить помощи у подруг в поисках ребёнка. Ладно, звоню Альке, надо же узнать, кто такая на самом деле покойница из квартиры Кудриных.

– Юрыч, а почему мы решили, что убита баба Маня? Ведь эта бабка только несколько раз забирала мальчика из сада.

– Решили, потому что Алька сказала, вот пусть она посмотрит и скажет, похожа покойница на бабку или нет.

Владимир Юрьевич снял трубку и стал крутить диск.

– Алло, Аля? Это Владимир. Нет, не майор Гришаков, а Володя. Да, я обращаюсь не к гражданке Голубевой, а к Альке. Алевтина, мы не дети, которые решили поиграть в сыщиков, мы взрослые люди, и я расследую убийство. Аля, мне нужна твоя помощь. Хорошо, жду. Пропуск будет на проходной. До встречи! – Владимир Юрьевич положил трубку и посмотрел на Ермакова. – Как только услышала, что мне нужна её помощь, сразу выразила желание её оказать. Сейчас подъедет. Надо будет её подготовить, чтобы она не грохнулась в обморок.

– К такому не подготовишь. Она до нас не меньше получаса будет добираться, давай перекусим, пока у нас время есть, – Сергей вытащил пакет с бутербродами.

Аля приехала через сорок минут. Мужчины вскочили, усадили девушку за стол, перед ней появилась коробка конфет, кружка чая, печенье. Аля подозрительно посмотрела на них.

– Мальчики, что случилось? – спросила она.

– Аля, тут такое дело, понимаешь, мы... – начал Гришаков, осторожно подбирая слова.

– Володя, что-то случилось с Димкой? Вере стало хуже?

– Нет-нет! Вот, читай, но учти, я тебе не должен был давать это читать, – Гришаков протянул Але два листочка, принесённых Ермаковым.

– Так и не давай, – пробурчала Аля, но в листки вцепилась, чтобы Володя не передумал, и стала читать. – Не поняла! Так убили не бабу Маню?

– Соседки Кудриных утверждают, что только очкарик, женщина в черном и милиционер заходили в квартиру. Мы решили, что женщина в черном – это баба Маня, только с твоих слов.

– А что за милиционер? – спросила Аля.

– При нём сняли пломбу...

– Не поняла, – перебила Алька, – так что, квартиру вскрыли официально в присутствии милиционера? Володя...

– Аль, давай не будем сейчас выяснять отношения. Нам нужна твоя помощь. Понимаешь, ты видела настоящую бабу Маню, вот мы и хотим, чтобы ты посмотрела на погибшую. Возможно, это разные женщины, а возможно одна и та же, но по каким-то причинам выдававшая себя за старушку.

– Понятно. Так чего мы сидим и чай гоняем? Нечего время тянуть, у меня на сегодня ещё много дел запланировано, – Аля встала и вопросительно посмотрела на мужчин.

– Пойду, узнаю на счёт машины, – встрепенулся Ермаков и вышел.

– Аля, это зрелище не из приятных... – Гришаков подошёл к девушке.

– Ничего, майор Гришаков, гражданка Голубева рада помочь следствию, чтобы облегчить свою участь. Надеюсь, за мои старания мне в тюрьме лишнюю кружку кипятка дадут? – Аля ехидно посмотрела на Владимира Юрьевича.

– Аль, перестань, – поморщился майор, – если хочешь знать, то мы действительно могли тебя вчера задержать, и только наше хорошее отношение к тебе не позволило нам этого сделать.

– Ой, но вот этого не надо, ничего вы не имели право...

Договорить она не успела, дверь открылась, и в кабинет вошёл мужчина.

– Добрый день, Владимир Юрьевич, – поздоровался вошедший.

– Добрый, добрый! – ответил Гришаков. – Чем обязан вашему появлению в наших скромных апартаментах?

Мужчины пожали друг другу руки. Появление гостя Алю не обрадовало, скорее наоборот, она помрачнела. Пётр Иванович Вальцев – один из помощников генерала Иволгина.

– Да вот, наши тропинки вновь пересеклись. Алевтина, ты где была сегодня ночью? – вдруг спросил вошедший.

– Пётр Иванович, а вам какое дело? – искренне удивилась Аля.

– Она ночевала у меня, – ответил за девушку Гришаков.

– Что, боишься выпускать её из виду? Правильно делаешь, вот только вам вряд ли это удастся. А это что такое? – Пётр Иванович взял лежащие перед Алей листки бумаги и пробежал их глазами. – Она что, у тебя уже в штате, что ты даешь ей читать акты экспертизы? – мрачно спросил он.

– Нет, у нас возникли проблемы, Аля нам нужна для опознания погибшей женщины.

– А что, она знала погибшую, – удивился Пётр Иванович.

– Пока не знаю.

– Вот что, майор, давай отпустим гражданку Голубеву на все четыре стороны, если вообще ты хочешь её отпустить...

– Что?! – взвилась Алька. – Вначале меня вызывают для опознания тела, а потом оскорбляют! – она вскочила со стула, подбоченилась и вызывающе уставилась на Петра Ивановича.

Вальцев смотрел на неё смеющимися глазами, майор Гришаков хмурился.

– Майор, ты фотографии смотрел? – вдруг спросила Аля.

– О каких фотографиях идёт речь? – насторожился Пётр Иванович.

– О семейных.

– Аля, перестань, – поморщился Владимир Юрьевич. – Она последнее время не совсем адекватна. Аля, можешь идти и заниматься своими делами, только помни, что я тебе говорил сегодня утром. Если ты нам будешь нужна, мы тебя вызовем.

Аля пошла к выходу, у дверей остановилась, повернулась и печально посмотрела на Вальцева.

– Возможно, у вас государственные интересы, возможно, что эти интересы действительно нужны для защиты нашей Родины от разного рода врагов и подонков. Но вот будь я самым главным правителем на Земле, я бы запретила сотрудникам секретных служб иметь семьи. И даже запретила бы влюбляться! Не только у нас в стране, а во всём мире. Вы, большие и сильные мужчины, плетёте разного рода интриги, играете в войну, а страдают ни в чём не повинные женщины и дети, – голос девушки задрожал, на ресницах появились слёзы. Она часто-часто заморгала и вышла из кабинета.

– Скучает она по Кириллу, вы бы ей хотя бы маленькую весточку передали от него, – вздохнул Владимир Юрьевич.

– Володь, нельзя. Чем дальше она сейчас от него, тем безопаснее для неё и ребёнка. Знаешь, в чём-то она права. Не всегда мы можем защитить родных и близких своих сотрудников. Вот и с Кудриными не успели.

– Он работает на вас?

– Почему на нас? Он работает на государство, и давай больше не будем возвращаться к этому вопросу. Я пришёл сам, а не прислал кого-нибудь из своих ребят, потому что знаю, что в дело влезла Алька. Иволгин приедет через неделю, после случаев с иконой и поиском ребенка, он с ней церемониться не будет, поступит так же, как и с Наташей, увезёт куда подальше и спрашивать не будет. Нам бы тоже не следовало, но что-то меня останавливает.

Сам не знаю – что. Скажу тебе честно, где-то подсознательно я думаю, что она выйдет на след преступников, как это было уже не раз, вот только, что потом с ними делать – не знает, поэтому и делает глупости. Майор, дело погибшей женщины в квартире Павла мы у вас забираем.

– А о нападении на Веру Кудрину?

– Забираем всё, что связано с Кудриными, но если твои люди что-то услышат, не ходите мимо. Что же касается Али, то я её отправлю в один из наших санаториев, закрытый, разумеется, так на всякий случай.

– Увы, Петя, это бесполезно. Она уже наострила уши, ищет мальчика. Её теперь никакие закрытые санатории не остановят.

– Слушай, а почему она его ищет? Мальчика забрали родственники, вполне объяснимая ситуация, – недоумевал Вальцев.

– Петя, мальчик у вас? – спросил Гришаков.

– Увы! Вначале все складывалось хорошо, наша сотрудница забрала мальчика из сада не вызвав никаких подозрений, позвонила и сообщила, что ребёнок у неё. И всё! Больше ни её, ни мальчика мы не видели. Сегодня утром узнали, что в квартире Кудриных нашли труп женщины, проверили – это наша сотрудница.

– Аля волновалась за Димку. Ваша сотрудница, забирая парня из сада, придумала легенду о бабе Мане. То есть она переделалась бабкой и под её видом забрала ребёнка. Но вы не знаете, что Маня сектантка и собиралась втянуть в секту Веру с сыном. Вот, почитай, – Гришаков протянул Вальцеву тонкую папочку. Тот прочитал, помолчал и вернул папку майору.

– Ладно, майор, пойду работать. Пока.

– Пока. Передавай привет Марфе, она мне нужна по одному важному для меня делу.

– Передам, она у меня сейчас в педагогику ударилась, скоро уедет в свой лагерь для особо одаренных разбойников, – улыбнулся Вальцев.

– Вот как педагог она мне и нужна, позвоню вам сегодня вечером.

Тревожный телефонный звонок заставил их вздрогнуть.

Глава 9

Аля не поехала к себе домой на Лесную, а пошла в квартиру Кирилла, которую тоже считала своим домом. Прошла на кухню и поставила чайник на огонь. Она не хотела есть, и посетила кухню по привычке. Пришла домой – попей чайку. Пока вода в чайнике закипала, Аля взяла сумку, вытащила фотографию семьи Кудриных и пристально посмотрела на неё.

– Эх, Павел, Павел, где ты сейчас? – Аля закрыла глаза, стараясь вспомнить весёлого и немного бесшабашного Кудрина. В висках у неё застучало, перед глазами появились разноцветные круги. Они крутились, крутились и вдруг сложились в цветную картину. Небольшое круглое озеро с неестественно прозрачной и голубой водой окружено высокими соснами, по берегу растут кусты ольхи, орешника и буйно цветущей черемухи. Кусты такие густые, что кажутся не проходимыми. Вдруг невиданная сила подняла Алю вверх, и она увидела среди кустов машину – обыкновенный каблук. Рядом с машиной лежал мужчина, грудь которого перевязана бинтом, сквозь который просачивалась кровь. Мужчина показался Але не просто знакомым, а родным и близким, но узнать его она не могла. В машине сидел Павел, у которого была перевязана нога, и сжимал в руках автомат. Аля напряглась, стараясь определить, где находится это озеро, но сила, поднявшая её вверх, исчезла и Аля рухнула в низ. Видение исчезло. Она попыталась открыть глаза, но не смогла. Круги опять пошли у неё перед глазами и сложились в картинку. Поезд, купейный вагон, на нижней полке спит Димка, напротив мальчика сидит мужчина в роговых очках и читает газету. Сила выносит Альку из поезда, и она видит удаляющийся вдаль поезд. Картина пропадает резко и быстро. Вместо поезда появляется длинный коридор, по обеим сторонам которого находятся закрытые двери. Посередине коридора стоит стол, за которым сидит девушка в белом халате и что-то пишет в общую тетрадь. Тёмная зловещая тень ползёт по коридору, подползает к одной из дверей. Дверь медленно открывается, и Аля видит бледное лицо Веры Кудриной. Аля не видит, но слышит голос Святого с бабушкиной иконы, он произносит только одно слово: «Быстрее!» Видение исчезло быстро, перед глазами чернота, в груди тревога. Аля открыла глаза. Ярко светило майское солнце, на дереве за окном чирикал нахальный воробей, на плите всю кипел чайник. А в голове звучал голос Святого: быстрее, быстрее, быстрее! Сердце забило сильно и часто, и каждый его удар отдавался в голове девушки. Тук – быстрее, пока ещё не поздно! Тук – быстрее, пока не поздно! Удар – быстрее, пока не поздно! Что, не поздно? Вера, чёрная зловещая тень, Святой с бабушкиной иконы... «Я разговариваю с тобой, но ты меня не слышишь, видно не пришло твоё время», – слышала Аля голос Святого более пяти лет назад. Тогда ей было так плохо, что казалось, нет никакого выхода из создавшего положения. В отчаянии Аля подошла к иконе и попросила совета. «Оглянись вокруг, кругом тебя друзья, доверься им», – прозвучало у неё в голове. Что это было? Внутренний голос? Или голос Святого? Тогда она его послушалась и нисколько об этом не жалела.

Тук – быстрее – пока не поздно. Больница – тень – Вера...

В голове вдруг стучать перестало, и Аля поняла: Вере грозит опасность. Она вскочила и бросилась к телефону.

Ещё не старая, но уже и не молодая женщина подходила к больничным воротам. Она была одета в строгий деловой костюм серого цвета, туфли на невысоком каблуке. Темно-русые волосы забраны в хвост и заколоты неброской заколкой. Серые глаза смотрели холодно, но внимательно. Женщина зашла в вестибюль, подошла к старушке – вахтерше и спросила, как ей найти хирургическое отделение. Спросила требовательным начальственным голосом и вахтёрша, никогда не пускавшего никого из посторонних в больницу во время тихого часа, молча протянула ей халат. Женщина взяла халат, ещё раз бросила на вахтёршу холодный взгляд,

и пошла к лестнице. Она остановилась между вторым и третьим этажами. Вытащила из сумки белоснежный халат и надела его. Серый больничный, выданный ей вахтёршей, аккуратно сложила и положила в пакет, а пакет затолкала за батарею центрального отопления. Теперь женщина стала похожа на врача. Она спокойно стала подниматься по лестнице, остановилась около третьего этажа и прислушалась. Было тихо. Женщина толкнула дверь и вошла в коридор. Она огляделась и решительно направилась к одной из дверей, ещё раз оглянулась и быстро вошла. В палате, окутанная трубочками и проводами, лежала Вера Кудрина. Женщина повела себя странно. Она вытащила фотоаппарат и несколько раз сфотографировала Веру, потом положила фотоаппарат на тумбочку и вытащила из сумки шприц. В коридоре послышался шум, и в палату вбежала взъерошенная девчонка. Тяжело дыша, она без промедления подлетела к женщине и выбила из её рук шприц. Та только усмехнулась, схватила Альку за руку, и не успела девушка оглянуться, как оказалась на полу. Женщина еще раз усмехнулась, подошла к Вере и отключила аппарат искусственного дыхания, потом взяла фотоаппарат и сделала еще один снимок, положила фотоаппарат в сумку, подняла с пола шприц и склонилась над Алькой. Она с силой вонзила иголку в плечо девушки, но большего сделать не успела: в палату ворвался Гришаков, за ним Вальцев. Через пять минут в палате остались только медики, которые колдовали над неподвижной Верой. Владимир Юрьевич на руках отнес Альку в кабинет заведующего хирургическим отделением и осторожно положил на диван.

– Она не успела ей вколоть отраву, – сообщил Вальцев. – Скорее всего, Аля в отключке от удара или падения. Надо привести её в чувства.

– Вы разрешите мне осмотреть девушку и самому решать, что с ней делать? – ехидно спросил врач.

Но его помощь не потребовалась, Аля сама открыла глаза.

– Вы успели? – тихо спросила она.

– Успели. Ты как? – Гришаков склонился над девушкой.

– Нормально, – Аля села и схватилась за голову.

– Ложись! – приказал Вальцев.

– Сейчас пройдёт, голова кругом идёт. Кто она такая?

– Не знаем, но обязательно узнаем! – твёрдо пообещал Вальцев. – Ты откуда узнала?

– Всё равно не поверите, – усмехнулась Аля.

– И всё же? – не отставал Пётр Иванович.

– Приснилось, – сообщила Аля.

– И ты хочешь сказать, что успела за полчаса доехать до дома, поспать и вернуться назад в центр? – недоверчиво спросил Пётр Иванович.

Владимир Юрьевич молчал, но тоже смотрел на Альку подозрительно.

– Я не на Лесной была, а у Кирилла, а это совсем недалеко от больницы, если бежать дворами. Как только я вам позвонила, так сразу и побежала, а вот почему вы замешкались?

– Пока группу вызвали, машину нашли. В милиции никакого порядка нет! Ну что, поедем домой? По дороге ты нам расскажешь подробнее о своём сне, – предложил Пётр Иванович. – Тебя куда отвести – на Лесную или к Кириллу?

– На Лесную...

– Нет, – прервал её Владимир Юрьевич, – ко мне домой!

– Нет, Володя, мне надо домой. И потом, завтра рабочий день, и мне совсем не хочется трястись в переполненном автобусе в час пик.

– Я отвезу тебя на машине, – пообещал Гришаков.

– Нет, не обижайся Володя, но отвезите меня лучше домой, только мне надо заехать к Кириллу за сумкой. Если бы вы знали, как я хочу спать! – Аля встала и пошла к выходу. Вальцев и Гришаков последовали за ней. Едва машина тронулась с места, Аля погрузилась в сон, когда подъехали к дому Кирилла, она крепко спала.

– Что это с ней? Может, сильно головой ударилась? – забеспокоился Гришаков.

– Нет, Володь, она просто устала. Я думаю, не стоит её будит, за своей сумкой она завтра заедет, а сейчас поехали на Лесную, – сказал Вальцев.

– Подожди, надо проверить, закрыла ли она квартиру. К сожалению, свой дом на Лесной она часто оставляет открытым, рассеянная до ужаса. Пойдешь со мной?

– Нет, иди один, а я с ней останусь.

Гришаков вышел из машины и скрылся в подъезде. Он поднялся на третий этаж и толкнул дверь квартиры Кирилла. Дверь плавно открылась. Владимир Юрьевич вошёл, осмотрел все комнаты и зашёл на кухню. На табуретке лежала Алькина сумка, на столе лежала фотография семьи Кудриных. Он взял фотографию и положил себе в карман, потом подумал и сунул фотографию в сумку. «А то ещё полезет, куда не надо за другим снимком», – пробормотал он.

Глава 10

Домой Пётр Иванович Вальцев приехал поздно. Жена Марфа Петровна читала книгу, дочь Танечка, пяти с половиной лет, спала.

– Есть будешь? – спросила мужа Марфа.

– Не хочу. Ты когда уезжаешь?

– Завтра.

– Можешь задержаться дня на два?

– Могу, но не желательно, работы там много, а как к ней подступиться – не знаю. Знаешь, Петя, зря я согласилась. Какой из меня педагог, если не могу справиться с собственной дочерью? В пятницу опять на неё жаловались в саду. Взяла рыбок из аквариума и выпустила в пруд, так сказать, отпустила на свободу. Так что завтра надо будет идти в магазин «Природа» за рыбками. В четверг увидела, что медсестра прогоняет с территории садика котёнка и встала на его защиту, да ещё и других подговорила. А когда котёнка всё же прогнали, всю группу подговорила объявить медсестре бойкот. Знаешь, в чём он выразался? Они отказались мыть руки перед едой. Таня заявила, что теперь они все заболеют и умрут, а медсестра будет виновата. И когда та будет просить у них прощение, они её не простят, а котёнка всё равно вернут. Лариса Сергеевна интересовалась, будем ли мы забирать Таню на лето. Я подумала и написала заявление до сентября. Давай отвезем её на лето к деду на пасеку?

– К деду страшно, она же там одна будет, ещё от скуки залезет куда-нибудь. Давай её в Междоузерск отправим? Там сейчас Дарья с Лидой, вот подкинем им ещё и Таньку. И как только Алка с ней справлялась?

– Справлялась, – усмехнулась Марфа, – поэтому только глаза и остались. Последнее время хоть отошла немного, поправилась. А у неё когда отпуск, не знаешь?

– Не знаю. Марфа, остаться тебя на пару дней я прошу из-за нее, – Петр Иванович рассказал последние события. – Я хочу, чтобы ты с ней поговорила по душам. Вот не дала ты в свое время поработать с ней Артему, – посетовал он.

– Петя, я уже тебе говорила – Артёму я её не отдам. Да и нет у неё больших способностей, интуиция одна. Сны вещие она видит, но не всегда верно их трактует. Говоришь, ей что-то приснилось? Ну что же, я с ней поговорю, только Петя, не говори пока никому, особенно Ветрову, а то он уже давно на неё зуб имеет.

– Хорошо, но мне кажется, ты не права.

– Возможно, но не у всех складывается удачно жизнь, как у меня или у Лены. Да и не очень-то она у Лены удачная, даже о матери позаботиться не может, на могилу к отцу ночью ходит, а друзей и подруг совсем нет. Но Лена сама захотела такую жизнь, у неё был выбор. Она сильная, и восстанавливается быстро. А Аля не такая. Она окружена уймой друзей и подруг, она любит Кириллу и тот любит её. Она эмоциональна и отдает окружающим всю свою энергию, часто оставаясь беззащитной. А теперь представ, что будет, если с ней начнет работать Артём? Да её выжмут как лимон и выбросят за ненужностью, и будет ей прямая дорога в психбольницу, и это в лучшем случае. А в худшем – она уже никогда не побеспокоит нас, а Василёк останется сиротой.

– Ты уж совсем мрачную картину нарисовала. Я уверен, если природа тебя наградила необычными способностями, надо их использовать на благо обществу.

– А она, Петя, использует свой дар на благо обществу, только вот дар у неё не тот, о котором вы думаете, и, кстати, Артём это понял, поэтому и отстал от неё. И Лена это поняла, Аля её единственная подруга, которой она бросится на помощь, махнув рукой на всё остальное. А Аля? Она дарит людям радость. Ты заметил, что там, где она появляется, наш жестокий мир становится чуточку добрее? Возьмем Юлю. Ты только представ себе, что было бы с Таней,

если бы на пути её биологической матери не появилась Аля? Думаешь, Шустова сделала бы аборт? Нет, его Юля и не собиралась делать, она в то время сама не знала, чего хочет. Она наврала нам о своих родителях, якобы они её из дома выгонят, если она надумает рожать. Но рожать ей никто не запрещал, она сама принимала решение. А как только родила, подбросила девочку Але, а та окружила её теплотой и заботой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.